

61 07-10/1960

Дагестанский государственный университет

На правах рукописи
Абакарова Людмила Омаровна

Поэмы
Василия Федорова

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Кельбеханов Р.М.

Махачкала

2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	с.3-15
Глава первая. Лирическая трилогия.....	с.15-34
1.1. «О ней».....	с.16-21
1.2. «На глубине».....	с.21-27
1.3. «Поэма о доме».....	с.27-33
Глава вторая. Родина малая и большая в поэмах Василия Федорова.....	с.34-51
2.1. «Марьевская летопись».....	с.34-42
2.2. «Белая роща».....	с.43-51
Глава третья. Нравственность как основа любви.....	с.52-77
3.1. «Далекая».....	с.52-60
3.2. «Обида».....	с.60-65
3.3. «Первые слезы».....	с.65-69
3.4. «Золотая жила».....	с.69-77
Глава четвертая. Красота как социально-эстетическая категория.....	с.78-107
4.1. «Проданная Венера».....	с.78-86
4.2. «Бетховен».....	с.86-107
Глава пятая. Седьмое небо как синтез поэзии Василия Федорова.....	с.108-144
5.1. История создания и композиция.....	с.108-112
5.2. Образы: треугольник - Василий, Марьяна, Борис	с.112-125
5.3. Идеал красоты.....	с.125-131
5.4. Испытания героя.....	с.131-137
5.5. Война и герой.....	с.137-140
5.6. Эпилог прощаний.....	с.140-144
Заключение.....	с.145-150
Литература.....	с.151-157

Введение

Актуальность темы. Василий Федоров (1918 – 1984) - выдающийся поэт советского времени. За сорок лет творческой деятельности (1944 – 1984) им написано большое количество поэтических и прозаических произведений, которые не утратили своего значения, которые по-новому раскрываются сегодня перед читателями. И это вполне закономерно. Прошли времена, когда все созданное в советское время, подвергалось необоснованной критике. Сегодня, имеем полное право заявить, что достижения в области культуры, искусства, науки, техники, экономики тех семи десятилетий мы не вправе игнорировать. Особо это касается литературы. Советские поэты и писатели создали огромное количество произведений, которые имели не только классовую и партийную направленность, но в первую очередь ставили и решали проблемы, всегда волновавшие людей, проблемы вечные и общечеловеческие: жизнь и смерть, природа и человек, война и мир, родина и чужбина, любовь и красота, нравственное совершенствование и отрицание порочных моральных принципов, гуманизм и глумление над человеком и т.п.

Над этими темами задумывались художники всех времен и народов, начиная с глубокой древности. В их числе свое достойное место занимает Василий Федоров, русский поэт XX века, скромный, не рвавшийся на эстрады, как некоторые его современники, но каждая книга которого, дарила читателю ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, открывало ему по – новому красоту мира и человека, для которого святы были нравственные принципы, идущие от людей труда. В настоящее время, когда негативных явлений в нашем обществе становится все больше и больше, творчество Василия Федорова обретает как бы вторую жизнь, утверждая справедливость и доброту, отрицая ложь и зло. В этом плане особенно показательны его поэмы, о которых идет речь в нашей работе.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются поэмы Вас. Федорова. Предмет исследования – особенности их проблематики и поэтики.

Цель и задачи исследования – дать развернутое представление о жанре поэмы в творчестве Вас. Федорова, обратив внимание на ее разновидности. Целью работы определяются и ее задачи:

- рассмотрение первой поэмы Вас. Федорова «Лирическая трилогия» как произведения, наметившего почти все темы его поэзии;

- анализ поэм «Марьевская летопись» и «Белая роща», в которых главной является тема родины. Выявление особенностей первой как лирической поэмы и второй как поэмы эпической;

- показать, что поэмы «Далекая», «Обида» и «Первые слезы» - поэмы «случая», имеющие концентрический сюжет и в которых действующие лица даны по принципу противопоставления.

- обосновать, что поэма «Золотая жила» - поэма характеров, органически сочетающая вымысел и биографические факты, в которой наиболее ярко сказалось мастерское умение автора создавать образы и строить сюжет;

- подробно проследить проблематику и поэтику поэм «Проданная Венера» и «Бетховен», в которых Красота выступает как социально – эстетическая категория;

- анализом текста подвести к выводу, что поэма «Седьмое небо» - синтез творчества Вас. Федорова, его вершинное достижение; выявить особенности ее жанра, композиции, сюжета, системы образов, сочетание в ней романтического и реалистического.

Степень изученности темы. В творчестве Вас. Федорова воплотились лучшие традиции классической и советской поэзии. В литературу он пришел зрелым, сложившимся человеком, который прошел путь от крестьянского паренька и рабочего до талантливого автора лирических стихотворений и поэм.

Но творчество Василия Федорова не привлекло должного внимания критиков. О его поэмах и стихотворениях написано как будто немало, но существенного сказано мало.

П. Выходцев в книге «Новаторство, традиции, мастерство» в главе, посвященной творчеству Василия Федорова отмечает, что среди поэтов «послевоенного поколения уже к середине 50-х годов определился талант В. Федорова. В его творчестве наиболее полно отразились и воплотились лучшие традиции предшественников - от Маяковского и Есенина до Твардовского и Смелякова»¹.

П. Выходцев отмечает и философский характер лирики В. Федорова, завидную последовательность и настойчивость в поисках ответа на коренной вопрос о смысле человеческой жизни. Критик указывает на двуплановость Федоровских поэм – их реалистичность и романтичность².

Другой исследователь Дмитрий Ковалев в статье «По главной сути» утверждает: «Мир поэзии Федорова чрезвычайно широк и многообразен. Стихия книжных образов, переплавляясь в его творческой фантазии, становится такой же обнаженной, осмысленной и прочувствованной, как и то, что он вобрал в себя из самой жизни. Исторические личности и книжные образы живут в его произведениях рядом с современными героями и не просто живут, а чувствуют, мыслят вместе»³.

По мнению Д. Ковалева, в поэзии Вас. Федорова ясно ощущается связь времен. В настоящем он отчетливо видит черты будущего. Собственно, ради будущего Федоров настойчиво пытается проникнуть и в тайны прошлого, и разобраться в современном.

Немалое внимание критики уделяют эпическим произведениям, в основном поэмам «Проданная Венера» и «Седьмое небо», которые считаются лучшими в его творчестве.

¹ Выходцев П. Новаторство, традиции, мастерство – М., 1970, С. 109.

² Там же. – С. 111.

³ Ковалев Дм. «По главной сути» // «Октябрь» – 1970, № 2. С. 56

Поэме «Проданная Венера» посвящено наибольшее количество статей. В статье М. Лапшина и Л. Иванова «Василий Федоров» утверждается, что поэма «Проданная Венера» - высшее достижение поэта и главная тема ее – «За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих мы заплатили красотой».¹

Отдельные статьи о поэме «Проданная Венера» озаглавлены стихами из нее же, например, «За красоту времен грядущих» Н. Далады, «За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих» Л. Любовцева и т.д.

Л. Любовцев пишет, что «именно будущего ради в этой поэме, глубоко философской по-своему звучанию, по осмыслению действительности поэт прямо адресует молодому поколению вопрос: «А знаешь ли ты, какой ценой завоевано твое счастье, каких усилий стоило созидание всего прекрасного в нашей жизни»². Далее Любовцев, говоря об особенностях «Проданной Венеры», пишет: «В поэме нет рассказа о битвах революции, а есть лишь две судьбы: судьба Наташи Граевой и «Венеры» Тициана. Обе потеряли красоту, но жертвы их не были напрасными – и вечная и земная красота были отданы борьбе за будущее, за новую красоту, которая пришла сегодня³. С этой точкой зрения трудно сегодня согласиться. Мы хорошо знаем, какая «красота» пришла в нашу жизнь.

Борис Сучков в статье «Зрелость» пишет об эпическом характере поэм и стихотворений В. Федорова. Но эпичность в них, по мнению критика, различается: «Во-первых, в способе создания характера, во-вторых, там, где следуя эпическому складу своего дарования, он избирает для своих произведений содержательные конфликты. Там, где он этим пренебрегает – он проигрывает»⁴. Б. Сучков так же отмечает, что поэма «Проданная Венера» явля-

¹ Лапшин М. и Иванов Л. Василий Федоров // Наш современник 1963, № 1, С. 49.

² Любовцев Л. «За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих», // Молодая гвардия, 1959, № 7. С. 80.

³ Там же. – С. 82.

⁴ Сучков Б. Зрелость. Москва, 1962. № 3. С. 172

ется высшим достижением В. Федорова и одним из самых заметных и серьезных произведений нашей поэзии¹.

Владимир Еремин в книге «Василий Федоров», изданной в 1969 году к 50-летию поэта, обзорно рассматривает его поэмы. «Проданная Венера», - говорит Еремин, - рассматривается критиками в основном как утверждающая красоту». Но необходимо, по его мнению, рассмотреть поэму и с другой стороны: «Федоров не только утверждает красоту, но и борется за нее»².

Несколько статей посвящены крупнейшей поэме Василия Федорова – «Седьмое небо».

Так, П. Выходцев в статье «Певец красоты человеческой» главное внимание «уделяет центральному герою Василию Горину», отмечает «его благородство, чистоту и трагизм положения».³

В. Панков в работе «Время и книги» пишет, что герой поэмы «Седьмое небо» растет духовно от главы к главе. Указывает Панков и на то, что «щедрое лирическое наполнение поэмы связано с духовным миром героя». Вместе с тем, - продолжает критик, - немалую роль играет сродство героя и автора, т.е. автобиографизм поэмы.⁴

В. Еремин квалифицирует «Седьмое небо» как произведение полифоническое, в котором поэт рассказывает о времени и о себе.⁵

Коротко о своих поэмах говорит и сам Вас. Федоров. Он затрагивает вопросы романтического и реалистического, эпического и лирического: «Ирреальных мотивов в чистом виде в поэме «Седьмое небо» нет. Для меня все, что могло написаться и написалось – реальность. Даже самая неумная фантазия, если она материализована в стихе, становится фактом жизни. В главе «Земля и Вега» есть только смещение изобразительных плоскостей от при-

¹ Федоров Вас. – Указ. т. – 609

² Еремин В. Василий Федоров. – М., 1969. С. 23

³ Выходцев П. Певец красоты человеческой // Москва, 1961. №3. С. 176

⁴ Панков В.К. Время и книги. – М., 1974. С. 265

⁵ Еремин В. Василий Федоров – М., 1969. С. 25.

мелькавшегося, будничного – к романтически необычному, в плане обострения образа¹.

Интересны суждения В. Федорова о поэме как жанре.

«Поэма дает жизнь в развитии, во взаимосвязи событий, в столкновении характеров», - отмечает он. Поэт замечает, что характерной чертой поэмы 60-х годов (XX в. – Л.А.) является лиричность. С этим связано его утверждение о кризисе поэмы. Как будто все за то, – заявляет В. Федоров, - что высказал еще Лермонтов: «Умчался век эпических поэм, и повести в стихах пришли в упадок». Объяснение такому явлению В. Федоров находит в том, что повысилось самосознание личности, осознание ею важности своей роли в результате крупных общественных изменений². Сам В. Федоров, автор эпических поэм, в суждениях о поэме исходит из своего опыта. Но его мысль о кризисе современной ему эпической поэмы является спорной.

В 1978 году в издательстве «Современник» вышла небольшая монография о Василии Федорове, написанная Искрой Денисовой (объем 6 п.л.). Эта монография, как и монография В. Еремина, тоже попытка характеристики творчества поэта в целом. Но небольшой объем неизбежно приводит исследователя к обзорности, к общим суждениям идейно тематического плана, хотя в книге немало и ценных наблюдений, не потерявших своего значения. Приводим некоторые высказывания И. Денисовой. Вот одно из них: «...откликов на первые книги Василия Федорова почти не было. Такое равнодушие прессы объясняется отчасти тем, что автор приехал из далекой Сибири, где формировалось его самобытная поэзия, отчасти особенностями его творчества, начисто лишенного спекулятивных элементов, демагогических приемов и конъюктурщины, столь часто принимаемой за злободневность³.

Сказано верно. А если поставить вопрос: о чем все – таки поэзия Василия Федорова? – то в книге И. Денисовой найдем такой ответ: «Об истоках творчества и жизни, о путях искусства и мечте. И, конечно, о красоте. Это и

¹ Федоров Вас. Собр. соч. В трех томах. – М., 1976. С. 613

² Там же. С. 609.

³ Денисова И.В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Федорова. – М., 1978. С. 14.

главный лирический мотив поэзии Василия Федорова, и сложная тема его эпики¹.

Обратим внимание еще на одно суждение И. Денисовой. Оно касается одного мотива лирики поэта: «Философия любви в лирике Василия Федорова не просто в гуманности и чистоте – она раскрывается в активном гуманизме советского человека, в его непримиримости к малейшей неверной, фальшивой ноте, к мельчайшему компромиссу. Эта философия ищет самых высоких критериев ценности человека, она устремлена в страстный поиск путей к преобразованию его души². Произведения Василия Федорова о любви дают основание для такого вывода. Несколькими словами И. Денисова подчеркивает наличие в творчестве поэта традиций Некрасова и Есенина³.

Конечно, и книга И. Денисовой заслуживает похвалы. Но многогранное творчество Василия Федорова все еще ждет серьезных исследований.

В 1978 году в издательстве «Просвещение» вышла книга Ал. Михайлова «Поэты и поэзия». В ней одна небольшая глава «Лирический характер современника» (с. 44-79) посвящена Василию Федорову.

Первые несколько страниц этой главы касаются проблемы лирического героя как самостоятельного образа, неадекватного образу автора, но который может быть близок ему, иметь его биографические черты. Так Ал. Михайлов выступает против тех, кто отрицал самостоятельное значение понятия «лирический герой», приравнивал автора и лирического героя. Свое понимание образа лирического героя критик раскрывает на материале поэзии Василия Федорова.

Обратим внимание на несколько основных мыслей Ал. Михайлова «Теория бесконфликтности», пишет он, - в свое время не обошла стороной и лирику и породила немало розовых и идиллических стихов о счастье. Видно, поэтому в противовес им счастье у некоторых поэтов стало синонимом успокоенности, тишины, бездеятельности.

¹ Там же. – С. 17

² Денисова И.В. Назв. книга. – С. 33

³ Там же. – С. 37.

Видно, поэтому... Федоров восстает против тихого и спокойного счастья: «Загрущу, затоскую, если стану счастливым». Героя деятельного, волевого влечет на стремнину жизни, и для него тихое, спокойное счастье не стимул к борьбе и творчеству, а путь»¹. Эту мысль Ал. Михайлова подтверждают и лирика, и поэмы Вас. Федорова. Действительно, поэт отвергал «тихое счастье».

Другое суждение Ал. Михайлова имеет непосредственное отношение к его поэмам. Критик замечает: «Федоров сам признался, что поэмы он начал писать так же рано, как и стихи, но не все и не сразу они были приняты критикой и читателями. Пожалуй, наибольшее признание получили «Проданная Венера» и «Золотая жила», написанные в середине 50-х годов.

Успех двух названных поэм обусловлен не только остротой социальной и нравственной проблематики, что, конечно, имеет решающее значение, но и удачно найденной внутренней структурой произведений, завершенностью сюжета, точной разработкой драматургии каждой из поэм. Здесь Федоров шел от традиций русской эпической поэмы, от пушкинского «Медного всадника»².

Сказанное Ал. Михайловым верно и в отношении остальных поэм Вас. Федорова. Продолжая свою характеристику особенностей его поэзии, критик пишет: «Лирический характер, складывающийся в поэзии Василия Федорова... из стихотворения в стихотворение и даже из строки в строку, обрастает человеческий плотью, впитывает тревоги и боли времени, трудно и упорно размышляет над противоречиями жизни, не закрывает глаза на эти противоречия и не упрощает их для удобства и самоуспокоения. Словом, это характер живой, близкий нам, человеческий, находящийся в развитии – несмотря на всю угловатость и резкость»³. И последнее наблюдение Ал. Михайлова, на которое обращаем внимание: «Василий Федоров не любит повторять себя, он очень разнообразен и часто неожидан как в тематике, так и в художествен-

¹ Михайлов Ал. Поэты и поэзия. – М., 1978. С. 68

² Там же. – С. 50

³ Там же. – С. 59

ных решениях. Поэт как бы демонстрирует своим творчеством те богатейшие возможности, которые таит в себе традиционная форма русского стиха, демонстрирует, сколько нового и интересного можно открыть в поэзии, развивая эту форму, совершенствуя ее и обогащая»¹. Справедливая мысль!

Из критиков и литературоведов, писавших о Василии Федорове, следует отметить и Юрия Прокушева, больше известного в качестве исследователя творчества С. Есенина. Ю. Прокушев близко знал Василия Федорова, был его другом.

В 1990 году исследователь написал книгу «Все мы – дети России». Стоит книга из пяти частей, самая большая посвящена С. Есенину. Немало места отведено и Василию Федорову. Часть о нем имеет заголовок: «Дыхание правды» и занимает пятьдесят пять страниц. (352-407)

Ю. Прокушев, можно сказать, влюблен в поэзию своего друга. Некоторые его суждения могут восприниматься как субъективные, хвалебные без достаточного основания. Но в целом критик правильно определил смысл его поэзии.

Часть книги, посвященная Василию Федорову, отличается важной особенностью. В ней воспоминания перемежаются с кратким анализом произведений поэта. Конечно, критик и не рассчитывал на всесторонний и глубокий анализ творчества поэта. Поэтому подзаголовок части имеет и соответствующее название: «Штрихи к портрету друга».

Трудно, очень трудно шел Василий Федоров к известности. Обидно было за поэта истинным ценителям его поэзии, в том числе и Ю. Прокушеву: «Но где справедливость, - пишет он. - Первый афишный вечер поэта в сорок четыре года, и какого поэта! Почему так! Зеленая улица шумным «гениям» эстрадной поэзии. Им любые залы, радио, телевидение. А тут те, кто, казалось бы, должен быть заинтересован в публичных выступлениях такого поэта, не «замечают» его годами. Надо, чтобы стали замечать. Это важно, необходимо не только и не столько для поэта Василия Федорова, как для нас, его

¹ Михайлов А. Назв. кн. – С. 65

соотечественников, для всей России»¹. Эта же мысль повторена критиком через несколько страниц: «Думая о судьбе Василия Федорова, как крупнейшего поэта нашего времени, которого, провожая в последний путь, справедливо нарекли «великим», думаешь и о том, как непросто, а порой тернист был путь его стихов к сердцу читателя, народа, о том, что при жизни он не был «избалован критикой...»²

По утверждению Ю. Прокушева, Василий Федоров-поэт, который как никто другой, воплотил в своей поэзии свое время. В этом его самая большая заслуга и бессмертие его стихов: «Истинная поэзия всегда помечена своим временем, всегда дыхание правды, дыхание – жизни. Стихи вне времени и пространства - мертворожденные стихи. Время, действительность для поэта - как стартовая площадка космодрома. Без нее самый совершенный космический корабль – беспомощен. Он не может взлететь в просторы Вселенной. Так и поэт. Без постоянной «опоры» на свое время, на стартовую «площадку» действительности, окружающей его жизни не может сказать в стихах главного о своем времени: того, что по-настоящему делает его поэзию народной, нужной людям, будущему...»³

Ю. Прокушев особо подчеркивает значение творчества поэта. «Можно сказать без преувеличения: ...стихи и поэмы, из которых складывались книги Василия Федорова, ...все больше и больше определяли глубинные течения всей нашей поэзии, ее новаторский художественный поиск».⁴ Сказанное критиком относится в первую очередь к поэмам Василия Федорова. В одном только мы не можем согласиться с ним. Поэма «Женитьба Дон-Жуана», которую он считает еще одной большой удачей поэта,⁵ с нашей точки зрения таковой не является. Конечно, и здесь налицо высокое поэтическое мастерство автора, но мы не разделяем общей концепции поэмы. Поэт гуманист считал, что Дон-Жуаны меняются в хорошую сторону, превращаясь в побор-

¹ Прокушев Ю. Все мы - дети России. – М., 1990. С. 364.

² Прокушев Ю. Назв. кн. – С. 360.

³ Там же. С. 259.

⁴ там же. С. 367.

⁵ Там же. – С. 375-380.

ников любви и семьи. Однако действительность нашего времени опровергает такое утверждение. Дон-Жуанов становится все больше и больше. Распад семьи или отказ от ее создания (свободное сожительство) стали типичным явлением конца XX начала XXI веков. Не рассматриваем мы и поэмы «Дуся Ковельчук» и «Аввакум». Они утратили значение для нашего времени.

Сделанный нами обзор научно-критической литературы о творчестве Вас. Федорова дает нам основание для вывода: из написанного о его творчестве немалое остается верным и на сегодняшний день. Конечно, многое в статьях и названных нами двух небольших монографиях устарело. Критики подходили к его творчеству с партийно-советских позиций, притягивали его к «прокрустово ложу» социалистического реализма даже тогда, когда поэт явно вырывался за его рамки. Василий Федоров доказывает, что подлинная поэзия не может следовать нормам, канонам, что могучие крылья позволяют ей совершать свой высокий полет. Ей нет ограничений во времени и пространстве.

Новизна работы. Василий Федоров, хотя и медленно шел к признанию критикой, однако за время своей творческой деятельности издал большое количество поэтических книг. В 1975-1976 годах появилось трехтомное издание его поэзии и прозы. А через три года после смерти поэта, в 1987 году, вышло в свет пятитомное собрание его сочинений.

И все равно о творчестве Василия Федорова написано удивительно мало. Если не считать две небольшие монографии (1969 года Владимира Еремина и 1978 года И. Денисовой), которые давали обзорную характеристику его поэзии, то это около тридцати статей, многие из которых подобия рецензий, которые повторяют друг друга.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что творчество поэта нуждается в серьезных исследованиях. Если поставить вопрос: что нового мы внесли в изучение творчества Василия Федорова? – то ответ будет прост: в диссертации впервые анализируются его поэмы: «Лирическая трилогия», «За рекой Ключевой», «Марьевская летопись», «Бетховен». Что же касается дру-

гих поэм автора, таких как «Проданная Венера», «Золотая жила», «Белая роща», «Обида», «Далекая», «Первые слезы», «Седьмое небо», то они рассмотрены развернуто, подробно, в их понимание внесено немало нового. Это касается не только проблематики, но и поэтики названных произведений.

Поэтому мы вправе сказать, что наша диссертация – монографическая работа, дающая целостное представление о жанре поэмы в творчестве этого замечательного поэта.

Методологическая основа работы.

В первые годы после распада СССР и перехода России на капиталистический путь развития проявилось резко отрицательное отношение не только к социально-политической структуре советского общества, но и ее культуре в целом. Такой нигилизм понятен. Мы знаем, как это случилось в свое время после Октябрьской революции, последствиями которой в первые годы советской власти явилось игнорирование классического культурного наследия XIX века.

Но нигилизм и тогдашний и теперешний стали уже досадными фактами истории. Сегодня на все прошлое уже утверждается трезвый взгляд. Это касается и литературы. Теперь очевидно, что смена общественной формации не означает обесценивания художественного творчества прошлого, конкретнее, времени его появления. В наше время оно приобретает новое звучание, новую значимость, новую эстетическую ценность. Общечеловеческая суть творений многих художников переосмысливается. В отношении к ним стал доминировать объективный подход. Они по-новому прочитываются и это уже выявление их непреходящей ценности, необходимости их и для нашего времени. С этой точки зрения рассматриваем и поэмы Василия Федорова. В ходе работы над диссертацией мы опирались на богатейшие достижения русской литературоведческой науки не только прошлого, но и нашего времени (Белинский, Потебня, Веселовский, Жирмунский, Бахтин, Неупокоева, Лихачев, Тимофеев, Волков, Хализев и др.).

Каждую поэму Василия Федорова рассматриваем подробно, в единстве формы и содержания.

Аналитический метод является доминирующим в нашей работе.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Во-первых, содержание диссертации вносит вклад в теорию поэмы, хотя и рассматриваются в ней произведения только одного поэта. Во-вторых, содержание диссертации может быть использовано как основа для специального курса.

В-третьих, материал диссертации может быть использован как дополнение к истории русской литературы второй половины XX века.

Глава первая
Лирическая трилогия
1.1. «О ней»

В 1943-1945 годах Василий Федоров работал над своей первой и замечательной поэмой, состоящей из трех взаимосвязанных частей и получившей поэтому название «Лирическая трилогия». Сразу же заметим, что в отличие от последующих поэм, которым будет характерен стройный, четкий сюжет, здесь структурообразующим началом выступает лирический герой, во многом автобиографичный или близкий автору. На переднем плане мир его мыслей, чувств, переживаний, его боль и радости, «созревание» и совершенствование как личности.

Начинается «Лирическая трилогия» «Вступлением». Оно дает понять, что доминирующая тема трилогии – любовь. Лирический герой как будто не помнит дату, когда тема эта овладела им, но зато он очень хорошо помнит, когда ему явилось «бледное лицо...» его кочующей судьбы: шел снег. «Был день, когда из Ленинграда пришел последний эшелон».

Психологически точно передано состояние молодого человека, который влюбился при первом же взгляде: в его груди «что-то двинулось, толкнуло». Этим и мотивировано название первой части трилогии «О ней». Открывается она стихом: «Не вынес я тоски недель...». Страстное желание увидеть ее завладело лирическим героем. Не случайно на протяжении первых четырех строф как их лейтмотив трижды повторяется одно и то же сочетание, с незначительными изменениями чисто стилистического порядка, но имеющими отношение к внутреннему состоянию влюбленного: «А мне тебя увидеть надо», «Но мне тебя увидеть надо». Третий раз это выражение повторяется в третьей строфе, которая в композиционном отношении является как бы последним и решающим шагом перед выбором:

Вот клуба снежное крыльцо...

Увидеть, одолев преграды,
Глаза твои, твое лицо
Во чтобы то ни стало
Надо¹. (7)

И, наконец, четвертая строфа психологическое состояние лирического героя доводит до апогея. Это передано не только повтором сочетания «две жилки бьются», но и повтором вопроса и восклицанием как ответом на этот вопрос:

А на висках две жилки бьются,
Две жилки бьются.
Любовь кричит: как поступить?
Переступить или вернуться?
Переступить или вернуться?
И решено – переступить. (7)

Так лирический герой оказался в клубе. Тут музыка, тут он может оказаться рядом с милой.

Но вот свет потух. Не затемненным остался лишь оркестр. И тут мы встречаемся с художественным предварением:

Мой взгляд,
Упавший в темноту,
Разбился о пустое место. (8)

Дальше мы поймем, что значит «разбился о пустое место». А пока обратим внимание на вывод, который напрашивается: крыло любви не единственное крыло лирического героя. У него появилось еще одно крыло-крыло музыки. Так красота любви дополняется красотой, силой музыки, и это двуединство оказывается высшим проявлением жизни, ее квинтэссенцией:

Летит с эстрады
Прямо в душу.

¹ Поэмы Василия Федорова цитируем по второму тому его собрания соч. в трех томах. – М., 1975. В скобках указываем стр.

То листьев шум,
То резкий треск,
В надломе веток брызги соков;
То лебедей ленивый плеск
В зеленых зарослях осоки;
И ног босых звучат шаги
Над мягкой прибрежной глиной;
То зыбкие круги, круги
Под резкий всполох лебединый...(9)

Музыка всегда воспринимается субъективно, если она не сопровождается словами, танцем (конкретное содержание ее порой остается прекрасной загадкой). И тогда во всю работает воображение слушателя, душевное состояние которого определяется умением постигать ее. Так и здесь. Лирический герой на скрипичном концерте. Музыка словно вернула ему все, что ему грезилось, о чем мечталось. Он «пришел, как в сказке» за любимой. А ее не оказалось.

Но где же ты?
Тебя – то
Мне и не вернули! - восклицает он.

Не сбылась мечта о большой любви. И тогда он возвращает нас к ее юношеским истокам. И тут уже поэт мобилизует себе на помощь природу. Это она помогла ему когда-то получить представление о красоте любимой. Включение природы в лирическое повествование завязывает узел четырех тем как единства: любовь, красота, природа, музыка:

Когда – то у родных полей
Я тайну о тебе подслушал.
Напев о красоте твоей
Запал в ребяческую душу. (9)

Дальше в структуре строф основой становится варьируемый повтор: «О, неужели никогда я на земле ее не встречу?» «О, неужели же нигде ее ли-

цо я не увижу?» – вопрос к воде. И наконец обращение к ней самой. Лирический герой признается, что в ее поисках провел год, переносил утраты и из глубины его измученного сердца вырывается восклицание:

О, неужели никогда
И не поймешь ты,
Как нужна ты! (10)

Оригинальное сравнение завершает этот аккорд юношеской мечты, любви: она ему «нужна, как воздух для огня»...

Известно, что без воздуха огонь потухает. Другими словами, поэт хочет сказать, что любовь перестает быть любовью, если нет взаимности, что без нее жизнь теряет смысл.

И вот лирический герой слушает музыку. Ему вдруг показалось, что она «прошумела легким ветерком», чтоб он ее увидел. За этим оригинальным сравнением следует утверждение:

Ты от моей души оторвалась,
Чтоб все пройти
И вновь ко мне вернуться (10)

И словно совершается чудо. В зале он видит ее. И опять встречаем замечательные сравнения: «С плеча ее, как легкий дым, сползала шаль на спинку стула»... и «Любовь, как музыка сама, словами мало выразима».

Музыка и любовь оказались в одном ряду не случайно. Обе они и красота, и стремление к ней, и разбуженные чувства.

Тут следует обратить внимание и на лирический портрет ее. В этом портрете как будто ничего удивительного нет, но созданный простыми и красивыми словами, он позволяет нам увидеть ее, живую, в действии, на сцене:

Большие
Звездные глаза,
Гася ресницами мерцанье,
Уже осматривали зал,
Наполненный рукоплесканьем.

Вот локон темный отвела
С лица
В бледнеющем отливе,
Откинулась и поплыла
То медленней,
То торопливей...(11)

Страстно влюбленный юноша думает только о том, что она обратит на него внимание, что даст надежду на взаимность, что сбудется его мечта о любви, о совместной жизни с красивой девушкой. Поэт блестяще передает состояние ожидания, которое безжалостно разрушается той, которая для него превыше всего на свете! Но получает «удар», о котором даже не помышлял: «Она проходит мимо, ему становится душно». Она, ради которой он сокрушил преграды, ради которой был готов на все, обошлась с ним не так, как он ожидал:

Взглянула в сторону мою
И отвернулась равнодушно.
Но, даже залитый стыдом,
Я все чего-то жду упрямо.
Взглянула только...
А потом
Прошла –
И кончена программа. (11)

Были у лирического героя утраты. Но самой большой из них оказалась потеря любимой, той, которая и не знала, что творится в сердце его.

Но любовь как могучая сила продолжает в нем жить. Равнодушие девушки не убило ее. Это уже то, что стало сутью лирического героя, живет в нем, дает ему вдохновение, ведет его. Здесь следует обратить внимание на метафоры: его «поэзия незрячая», а любовь к ней – поводырь этой поэзии; «я так тебя хотел увидеть, что смог и без тебя прозреть».

Любая потеря, кроме смерти, имеет и обратную сторону, которая делает человека более мудрым, более опытным, более внимательным к людям и явлениям окружающей жизни. Лирический герой этой поэмы – человек мечты, он не теряет надежду на встречу, он хочет, чтобы она состоялась, чтобы душа ее его душе раскрылась.

В предпоследней строфе опять появляется образ метели, которой началась поэма. Там она была обыкновенной зимней стихией, а здесь уже олицетворенная преграда, которая вступила с лирическим героем в бой. Здесь метель, словно ее союзница:

Иду с надеждою на встречу...

В мое лицо,

В глаза,

Как в цель,

Стреляя белою картечью,

Метет,

Метет,

Метет, мететель. (12-13)

Первая поэма «Лирической трилогии» или первая часть лирического триптиха – о юной любви лирического героя. Пусть девушка не ответила ему взаимностью, пусть любовь эта причинила ему боль, но он, как становится ясно из поэмы, продолжает оставаться человеком, влюбленным в красоту, людей, искусство, природу. Он человек неумирающей мечты, человек, который стремится ее осуществить. Потеря не выбила его из колеи.

1.2. «На глубине»

Вторая поэма тоже открывается маленьким вступлением, но оно уже не названо вступлением. Это краткое выражение автором своей жизненной философии, утверждение мысли, что потери не могут выбить человека из колеи,

что в человеке обязательно побеждает, берет верх то, что составляет его суть, то, что в него заложено природой:

Прости за то,
Что я не смог
Писать по линиям,
Что прямы, -
Ты видишь начертанья строк
Неровных и кривых, как шрамы.
Не отвергая,
Все прочти,
Душа окрепла, стала гибкой;
Она сумела прорости
Сквозь горе радостной улыбкой. (14)

В подлинной лирике жизненные факты, пройдя через сердце, мозг поэта, переработанные воображением, становятся фактами высокой поэзии. В первой поэме в этом отношении показательна любовь поэта, которая не оказалась радостной, взаимной.

Во второй поэме, которая имеет название, «На глубине», основное – осмысление автором своей работы на авиазаводе. «Для моей литературной судьбы, - писал Вас. Федоров, – большое значение имел тот факт, что после окончания техникума я около восьми лет проработал на авиационном заводе в качестве технолога, мастера, старшего мастера. До войны, в годы войны мне довелось строить самолеты разных марок и модификаций. Умение читать чертежи развивает воображение, приучает видеть вещи пространственно, одну и ту же деталь в нескольких плоскостях, в ее связях с другими деталями. Представьте узел деталей. Внешне он выглядит сложно и запутанно, но достаточно найти главное сечение этого узла, чтобы связи тотчас обнаружи-

лись. Это легко перенести на психологические узлы человеческих отношений, внешне скрытых, но внутренне отчетливых и закономерных».¹

Жизненный опыт человека, независимо от того, большой он или маленький так или иначе сказывается в его деятельности. А если этот человек посвятил себя искусству, то тем более, как это мы имеем на примере Вас. Федорова.

Поэт точно передает ситуацию военного времени, того времени, когда он приехал поступить на работу на авиазавод. Опять и опять над городом «плывет небесная армада, плывет железная». Город насторожился. Но армада эта «плывет над новой целью».

И только, когда настала ночь, в «подземелье спасательный зажегся свет». Перед лирическим героем здесь открывается подземный ход. Это ход, ведущий на завод. Лирический герой у входа стоит и читает:

«Перед тобою цех.
Ты в нем
Испытан будешь, - нелегко там! -
На твердость долгую – огнем,
На прочность – временем и потом,
На верность – мукою». (15)

В жизни лирического героя наступил новый период – период испытания на мужество и прочность. Начальник цеха встретил и проводил его на место работы. Ему вспомнилась тишина метро, блеск мрамора. И резким контрастом этому оказалось то, что он увидел:

...за мной
Под музыку ветров
Война сползала
Теми же ступенями (16)

А дальше звучит вопрос и ответ на него:

¹ Федоров Вас. О себе и близких // Вас. Федоров. Собр. соч. в трех томах. – М., «Молодая гвардия», 1975. Т.1. С. 47

Уже внизу,
Где я стоял,
На плиты грянул свет картечью.
- Что впереди?
- Судьба твоя! –
Так надо же идти навстречу! (17)

И первая же неожиданность на этом пути, один из драматических контрапунктов сюжета, - встреча лирического героя со вдовой, в прошлом – девушкой, которую он любил, но которая к нему оказалась равнодушной. Изменения, которые произошли в ней, разительные. И причина этому – война. Ее портретные детали контрастны тем, что мы наблюдали в первой поэме:

О как же быстро угасал
Тот яркий золотистый локон!
Когда – то
Синие глаза
Глядели как бы издалека.

Помнилось,
Здесь на глубине
Ее глаза, со мной встречаясь,
Через туманы шли ко мне,
Все шли и шли,
Не приближаясь. (17)

Лирическому герою ясно, что он и она остались чужими друг другу. Она, словно укоряя его, говорит:

Вот мы и встретились с тобой.
Ты все такой, а я повяла...-
И отрешенно повторяла: -
Ты – все такой, ты – все такой...(18)

В этом эпизоде прихода лирического героя в цех и встрече его с девушкой, которую он некогда любил, налицо рациональное зерно, которое скажется в поэме «Проданная Венера». Его спутник требует, чтобы он ответил на вопрос женщины, потерявшей красоту на тяжелой работе. Ответ лирического героя прост:

А ведь на это отвечать
Всем миром надо,
Всей Россией,
Да так,
Чтобы ответ был крут,
Упруг и прочен, как пружина. (18)

Она до него делала самолеты, внесла свою долю в победу над врагом. Этим самым выполнила свой долг. Но заплатила за это здоровьем и красотой. Как в самолете каждая крохотная деталь имеет свое место, так и человек, по утверждению поэта, должен тоже найти в обществе свое назначение, отбросив все, что этому мешает:

Так в каждом,
Кто себя найдет,
Кто посмотреть вперед решится,
Все неживое – отпадет,
Все лишнее – отшелушится. (19)

Во второй поэме «Лирической трилогии» Вас. Федоров дает почувствовать красоту, созданную руками человека. Это самолет, индустриальная красота. И не случайно самолет возникает в сознании лирического героя как живое существо, которым он восхищается:

Шурша разводами колес,
Ведущим новой эскадрильи
Наш Як торжественно пронес
Свои размашистые крылья...(20)

Здесь вспоминается выдающийся советский поэт Николай Ушаков, который воспел индустриальную красоту, красоту машин прежде всего. Этот поэт между природной красотой и красотой индустриальной видел гармонию. Человек, по его мнению, совершенствует природу, внося в нее и самим созданную красоту. Николаю Ушакову индустриальная красота мыслилась как продолжение красоты природной.

Нам представляется, что Вас. Федоров близок Николаю Ушакову в этом отношении. Еще один пример:

И вот с туманом вперехлест,
Урча и поводя плечами,
Входил на нерушимый мост,
Вплотную устланный лучами,
Наш Як. (24)

Самолеты в лучах прожекторов оказывают на лирического героя такое воздействие, что полностью меняется его психологическое состояние, и завершается вторая поэма трилогии страстным монологом лирического героя, который звучит и как его клятва и как утверждение своего назначения:

Прожектор двинул белым оком,
Лучами темень прободав.
Я весь пронизан страстным током,
Бегущим не по проводам.

Хотя ни мира, ни покоя
Мой труд еще не отразил,
Но я увидел в нем такое,
Что выше всяких темных сил.
И потому
В бою жестоком
Пощады недругу не дам.

Я весь пронизан
Страстным током,
Бегущим не по проводам. (25)

Поэма «На глубине», как и «О ней», делится на небольшие главы, которые не озаглавлены и отделены друг от друга троеточиями. Так, на наш взгляд, автор подчеркивает не переход от одной проблемы к другой, а единство ведущей мысли, которая проявляется в разных вариациях.

1.3. «Поэма о доме»

Третья поэма «Лирической трилогии» называется «Поэма о доме».

Она тоже предваряется двумя строфами, помогающими понять ее общий смысл:

«Любимая, когда и где мы
Найдем пристанище с тобой?»
Так появилась третья тема,
Заполнившая все собой.

Сначала непонятным комом
Давила на сердце, потом
Я занялся проектом дома
Любому счастью нужен дом. (26)

Итак, «дом нужен для счастья». А счастье в понимании лирического героя прежде всего любовь, которая завершается созданием семьи. А семья не мыслима без дома. Конечно, влюбленные хотят жить в красивом доме. Ведь и сама настоящая любовь – это одно из проявлений чувственной и духовной красоты. У лирического героя, этого романтика и мечтателя, есть свои проекты, свои чертежи дома, где он полагает жить с любимой. Однако участь проектов оказалась печальной:

Экзамен был и, помню, некто

В неудовольствии большом
Мои красивые проекты
Перечеркнул карандашом (26)

Проект дома не принят. Но лирический герой – человек сильной воли. Сначала ему пришла мысль «все чертежи... разорвать на части». Однако он поступил иначе:

Но я остался с ними – весок
Был свиток всех моих обид.
Он, словно дерева отрезок,
Что белой берестой обвит (27)

У Вас. Федорова метафоры, сравнения подчас неожиданны, необычны и всегда насыщены глубокой мыслью, как и в данном случае.

Лирического героя вдруг осенил вопрос: «Что будет, если в этом доме она не согласится жить?» И снова вопрос: «Так для кого же строю я?»

И следует горестный ответ:
Он и высокий и красивый,
Но по всему – не для жилья. (27)

И снова удивляет умение поэта найти точные, соответствующие психологическому состоянию героя изобразительно – выразительные средства:

Как по заснеженной долине,
На белом ватмане, вразброс
Метался вихрь забытых линий...
Трескучий северный мороз
Коробил широту проекта. (27).

Лирический герой не спешит делать выводы ни о своем проекте, ни о том, почему «суровый некто» перечеркнул его. А вот что представлял собой его проект:

... украшением портала
Колонна, не страшась высот,
Гиперболически взлетала

Под сказочно – хрустальный свод, (28)

Теперь, при более внимательном и спокойном рассмотрении своего проекта, всего «чем был он изукрашен...» лирический герой вдруг понял:

Что для такой любви, как наша,
Я должен строить новый дом (29)

И этот дом не должен быть похож на тот деревенский, в котором вырос он, не должен быть похож на низкие подземные цеховые проходы, на низкий цех. Это должен быть особый дом, в который введет его любимая и «новый мир покажет, открыв его своим ключом». И опять лирический герой оказывается перед вопросом:

А вдруг она скажет: «Ну что же строй, а я при чем?» (28)

«Поэму о доме» условно можно разделить на две части. Вышеприведенным вопросом завершается первая.

Вторая часть возвращает нас к первой поэме «О ней», в начале которой вторая главка начиналась словами: «О, музыка, слепой подкоп к душе взволнованной...» Там музыка была связана с любимой, две красоты словно сливались воедино.

Условная вторая часть последней поэмы трилогии переносит читателя в место действия первой поэмы, словно возвращает былое. Это и так, и не так. И вновь поэт поражает глубиной мысли, необычностью метафор и сравнений:

О, музыка,
Где в каждой гамме
То вознесенье, то обвал...
Крадусь неслышными шагами
По лестнице, где я бывал.
Она, поблескивая тускло
В легко колеблемых лучах,
Легла, как высохшее русло
Большого горного ручья,

Где воды вечность испарила
И только камни сберегла...
Я опираюсь на перила
Руками, как на берега. (29)

А скрипки звучат, «звучат напоминаньем мира», который давно порвал с лирическим героем. Музыка эта «понятна и близка» ему. Она о том, «как выстроить, слагая камни, необычайно светлый дом». Опять мечта, но уже о светлом доме. Раньше о доме говорилось без эпитета «светлый». Тогда речь была о внешне красивом доме.

Поэт все время обнажает внутренний мир героя. Теперь он для этого использует антитезу: звуки скрипки – душа:

Легко настроенные бродят
По неустроенной душе...(29)

Публика удивляется, кое-кто говорит:

Все видим,
Ничего не скроешь.
Надолго потеряв покой,
Ты новый дом зачем-то строишь,
Скажи нам, для какой – такой?
Скажи, мы дом с душою сверим (30)

Лирический герой, однако, занят другими мыслями. Его ответ совсем о другом. Он говорит, что его любимая «сидит в партере, в седьмом ряду». И люди покидают зал:

Ушли, не закрывая двери,
Ушли, огней не потушив,
Чтоб линии мои проверить
По чертежам ее души (30)

Оригинальна метафора: линии (проект дома) проверить по чертежам ее души. Другими словами, соответствует ли ее чувствам этот дом, есть ли между ним и ее душой гармония. Лирический герой приходит к выводу, что

здесь – «неладно что – то», что музыка в душе его «дом возводит по чертежу по старому...»

А это дом «с крышей и башнями на ней», да и света нет в ней. Однако чей-то голос раздается резкий: «Пробейте окна, дайте фрескам взглянуть на яркие лучи!»

В результате дом, мысленно возведенный лирическим героем, оказался уничтожен:

Перемешался крик со стоном,
Стон с криком...
Сердце – на куски!
Разрушен дом.
Скользят над домом
Пылающие языки (31)

Мечта лирического героя о доме однако не исчезла. Он продолжает думать о нем. Но это должен быть уже иной дом.

Лирический герой не стал счастливым в любви, не смог построить дом, дверь в который открыла бы она. Были радости, были огорчения, были успехи и неудачи. Это свойственно юности, иначе она юностью не была бы. И не случайно в «Поэме о доме» есть и небольшой, в три строфы, гимн юности, композиционную основу которого составляет повтор «в первый раз».

Одновременно это и обращение к юности, самой светлой поре в жизни человека:

О юность,
Каждому из нас
Ты открывала мир,
И каждый
Все видел только в первый раз,
Все делал только в первый раз,
Не утоляя в сердце жажды.
Любили только в первый раз –

Мы ничего не повторяли, -
Случилось – мы в тяжелый час
Друзей любимых потеряли.
Случилось так
Покинув нас,
О, юность, нам оставь ту жажду –
Смотреть на все,
Как в первый раз,
Все начинать,
Как в первый раз
Не повторив ошибок дважды (33)

Для усиления, обострения душевного состояния лирического героя Вас. Федоров пользуется музыкой. Она возникает как увертюра в кульминационные моменты поэмы. Музыка, Любовь, Дом, Мечта – слагаемые, которые в совокупности и создают объемный и многогранный образ Красоты, а сама Красота – лейтмотив трилогии. В ее заключительной части в этом отношении есть знаменательные стихи, два первых из которых уже встречались выше:

О, музыка,
Где в каждой гамме
Напоминание о том,
Как возвести, слагая камни,
Ничем не разрушимый дом (34)

И наконец, лирическому герою принадлежит утверждение: во чтобы то ни стоило построить свой дом, но уже не только для нее. Она одна из тех, кто войдет в этот дом наряду с другими:

Мой дом поднимется красиво, -
Попробуйте потом сличить
Все, что душа моя просила,
С тем, что сумела получить.

Попробуйте детально сверить.

Устрою так, чтобы всегда

В него открыты были двери,

Пусть и она войдет туда.

Но, повода не подавая

Для разговоров обо мне,

Она войдет, как рядовая,

Войдет с другими наравне. (36)

Но это уже особый дом, дом высокой и красивой поэзии, которая людям нужна как хлеб, воздух и вода.

«Лирическая трилогия» - оригинальная, во многом новаторская поэма. По затронутым, решенным в ней проблемам можно смело утверждать: от нее идут все дальнейшие линии не только поэм Вас. Федорова, но и стихотворений. В этом отношении «Лирическая трилогия» - вещь программная. Однако в критике она только упоминалась, ей посвящалось всего несколько стран. А между тем, повторяем, здесь исток, здесь могучие корни его поэзии.

Вас. Федоров сумел, и композиции поэмы придать стройность, естественность. Структурообразующим началом ее является лирический герой, от лица которого («я») ведется повествование. Он человек своего времени, верный и своему гражданскому долгу и вместе с тем романтик, не только влюбленный в Красоту, но и борющийся за ее утверждение во всех отношениях: в любви к женщине, в искусстве, в быту, в труде, терпящий и неудачи, но не отступающий от своей мечты, от своей цели.

Василию Федорову удалась композиция поэмы и в плане внешнем. Каждая поэма трилогии подобна циклу стихотворений, каждое из которых словно ступень основной темы. Они и по объему невелики. Но это все же не циклы. Здесь связь между стихотворениями более тесная, более органичная, чем в цикле.

Глава вторая

Родина малая и большая в поэмах Василия Федорова

1. «Марьевская летопись»

В 40-60-е годы частой темой советской поэзии стала тема малой и большой Родины. Если для одних поэтов это было обращением к моде, то для других, в том числе и для Василия Федорова, тема это была естественной, органичной.

Чувство родной земли, сопричастность делам народа, умение делить его радости и горести стали свойствами его природы. Он всегда гордился и восхищался своей страной, великой державой. Послушаем его «Русь... Россия... Каким измерением измерить ее? Мерить ли великими людьми – мудрецами, героями, бунтарями, поэтами и художниками? На это не хватит одной жизни. Мерить ли по векам, по нашествиям ли врагов ее, по датам ли ее побед? На это мало и сто жизней. Мерить ли ее великими реками, реками – работягами с городами и селами, что лепятся к ним, как гроздь к виноградной лозе? Одна Волга заслонила бы сознание и не отпустила бы ни к Иртышу, ни к Оби, ни к Енисею, ни к Ангаре, ни к Лене, ни к Амуру? Мерить ли народами, заселяющими ее земли? Если каждый народ выделит по сто рассказчиков, то все вместе они не воссоздадут сути ее. Как охватить ее единым взглядом? Я думал, что это можно сделать с космической высоты. Но космонавты говорят, что и там на это нужно время. В ней все громадно и неизмеримо, ехать ли с севера на юг, с запада ли на восток – по вековому ходу русских землепроходцев»¹.

Это цитата не нуждается в комментарии. Она предельно конкретна. В ней возникает образ большой Родины. Но на ее огромных, необъятных просторах есть место, которое особенно дорого поэту. «Для этого, - пишет он, - нужно памятью и сердцем вернуться к той земле, которая накормила тебя

¹ Федоров Вас. Собр. соч. В пяти томах. – М., «Современник», 1987. Т. 1. С. 48.

первым хлебом, напоила тебя первой ключевой водой. Где было все изначально и молодо. Для меня такая земля – небольшая сибирская деревня Марьевка»¹. Это уже малая Родина, отношение к которой определяет и отношение к большой. Она частица этой большой, но особенная. Однако эта мысль требует дополнения. У каждого человека, конечно, есть уголок земли, который вечно живет в его сердце. Это дом, улица, село, город. В детстве и юности именно этот «уголок» олицетворяет человеку Родину. И только в зрелом возрасте он осознает себя и сыном страны в целом.

В детстве и юности понимание Родины скорее эмоциональное. У взрослого человека – это понимание рациональное. Тут уже доминирует сознание. Но встречаются люди, у которых рациональное и эмоциональное восприятие составляют единство. К таким относится и Василий Федоров.

«Марьевка – родная деревня поэта. Для Федорова она дорога тем, – правильно пишет Вл. Еремин, – что там прошли детство и юность – время, когда все видел только в первый раз, все делал только в первый раз, не утоляя в сердце жажды...

Так начинается одно из главных тем в творчестве Василия Федорова, – тема Родины, развитие ее не будет проходит по схеме Марьевка – Сибирь – Россия. Все это сольется в одно целое и станет понятием, обозначаемым словами с большой буквы – Родина, Отечество. Произойдет это не вдруг. Решающую роль здесь будет играть не география, а биография поэта»².

«Марьевская летопись» (1946), о которой у нас пойдет разговор, как раз и подтверждает сказанное. Но эта поэма лирическая. А в лирике в большей или меньшей мере сказывается биография поэта. Лирический герой Василия Федорова здесь близок автору. В этом отношении его можно сравнить с Владимиром Высоцким или Владимиром Цыбиным, хотя это и совершенно разные художники по видению, пониманию мира.

Обратимся, однако, к тексту поэмы. Она состоит из четырех глав. Но

¹ Федоров Вас. Собр. соч. – М., 1987. Т. 1. С. 49

² Еремин Вл. На трудных перегонах. – М., «Современник», 1984. С. 93.

каждая глава делится на подглавки, отделенные друг от друга звездочками. Каждая из подглавок – подобие маленького стихотворения. Поэтому по композиции главы напоминают цикл. Но их структура намного органичнее, намного теснее в своем единстве, чем цикл, даже такой знаменитый, как «Персидские мотивы» С. Есенина.

Первая подглавка первой главы – замечательная ретроспекция. Лирический герой вернулся в родную деревню после окончания войны. Деревню он покинул еще до мобилизации. И тут естественны воспоминания о былом.

Начало поэмы Василия Федорова напоминает начало «Анны Снежной» С. Есенина, где лирический герой тоже рассказывает о своем селе.

В первой подглавке «Марьевской летописи» использован прием узнавания.

Поражают точность и емкость сравнений, метафор, олицетворений которые находим у поэта, когда он пишет о встрече с родной деревней. Вас. Федоров – мастер живописи словом. И в этом отношении опыт А.С. Пушкина не прошел для него бесследно. Конкретность, предметность, вещьность выступают как особенность его стиля. Прочитируем первые пять строф:

Одна, последняя верста...

Вот с высоты горы отлогой

В широкую ладонь моста

Упала узкая дорога.

Где, выступая с двух сторон,

Деревья, точно на параде,

Всей тяжестью душистых крон

Касались тонких перекладин;

Где на высокую дугу

Завился хмель, созревший в пору.

И я уже почти бегу
По травяному косогору.

Меня прохладой обдав,
Ручей примчался на братанье.
Гремела светлая вода,
Как будто по моей гортани.

Ручей, играя, то сверкал,
То меж ветвями хоронился,
Являлся, искры высекал
И мчался дальше...(38)

Последующие две строфы первой подглавки показательны в жизненном плане. Лирический герой в ручье видит свое отражение. И поэт психологически тонко передает его состояние:

Я посмотрел – и замер.
Не детство ли мое со дна
Глядело ясными глазами,
Забытыми давним – давно? (39)

Но человек не может вернуть ту пору своей жизни, которая уже в прошлом:

Губами в дрогнувшие губы
Я неотрывно впился,
Но
Лицо перекосилось грубо
И потонуло...(39)

За точностью, почти осязаемостью этой картины скрыта уже высказанная нами мысль, другим вариантом которой является утверждение: ты уже не тот, ты другой.

Ушедшее время можно восстановить, но только в памяти:

Долго вниз
Глядел я, затаив дыханье, –
Там плыл смородиновый лист,
Крутя мои воспоминанья. (39)

Уникальность последних двух стихов, этой опять-таки замечательной метафоры, в том, что поэт дает понять: в его деревне, в его краю смородина – характерная ягода.

Вторая подглавка переключает внимание к теме юношеской любви лирического героя. Ему представляется, что он сам и его любимая, уже взрослые люди, видят, –

Как высокою травую
Пробираясь в ранний час,
На дорогу вышли двое,
Так похожие на нас (39)

Первая любовь – робкая и красивая. Мальчик даже боится поцеловать девочку, думая, что это ее обидит. Но судьба их надолго разлучила. Юноша пошел своей дорогой, а девушка «незаметно растворилось в голубом разливе льна».

Поэт от чувств лирического героя переходит к следующей теме:

Лен слепит голубизною
И качается врасхлест...
Никого передо мною:

Лишь ручей
Да старый мост. (41)

«Старый мост» дает толчок рассуждению о роли мостов в жизни человека, особенно сельского. И не только. Мост у Вас. Федорова перерастает в своего рода символ:

По ним всегда вперед уходят,
Но не всегда идут назад (41)

Эта истина стала особенно очевидной в годы Великой Отечественной войны. По мостам не все ушедшие на фронт назад вернулись. Но лирическому герою посчастливилось. Он остался в живых, вернулся домой.

На мосту, по которому лирический герой прошел в свое село, он «вписав как в летопись», оставил надпись:

«Домой вернулся в 45-м»
А ниже месяц и число. (41)

Мосты для поэта – вехи человеческой судьбы.

Вас. Федоров – один из тех мастеров слова, кто дает высокие образцы поэтизации колхозного, точнее, сельского труда. Это подтверждает последняя заключительная подглавка первой главы.

Лирический герой бродит по окрестностям деревни. Прекрасна природа, но его внимание останавливается на факте, который эту красоту уже сводит на нет:

И огорчало лишь одно:
Пять лет назад вон там бескрайно
Синело озеро...
Оно,

Невозмутимое, как тайна,
Теперь травую заросло,
Осокой заросло зеленой (42)

Поэма «Марьевская летопись» написали в 1946 году. Уже тогда Вас. Федоров задумался о судьбе природы, о ее уходящей по разным причинам красоте. Он один из тех, кто ревностно выступал в защиту природы.

И наконец лирический герой приходит на поле, «усеянные во все концы платками». Основная трудовая сила и в годы войны, и в первые послевоенные годы были женщины. В числе тех, кто работает на полях и мать лирического героя:

Лучи косые вдруг блеснут,
Как будто, уходя с покоса,
Колхозницы домой несут
Зарю вечернюю на косах.

Мне трудно было бы узнать
Черты покинутой подруги.
Но мать... Ко мне шагала мать,
Раскинув для объятья руки.

В лучах зари она росла,
На холм входя тяжеловато, –
Казалось, на плечах несла
Всю тяжесть позднего заката (43)

Образ «на холм входя тяжеловато» в ином плане возникнет и в поэме «Седьмое небо».

Вторая глава поэмы могла бы быть озаглавлена «Мать и сын». Здесь

прежде всего речь идет о встрече двух этих близких людей, которых надолго разлучила война. Конечно, радости матери нет предела, она не знает даже как угодить сыну. Тут и тетя Агаша, чей сын не вернулся с войны и которая задает вопрос матери лирического героя:

« – Анна, какому ты богу
Так терпеливо молилась?» (44)

А далее повествование следует в новом русле. Это встреча лирического героя с любимой, которая терпеливо ждала его, которой он задает несколько нетактичный вопрос:

«Другого не любила ты?» –

и получает ответ: «Ты что!...» и деталь, продолжающая не сказанное ею: «...девичья ладонь сказала все моей ладони».

Великие испытания перенесли русские женщины, в годы войны, да и после, в том числе и любимая лирического героя.

Тут вспоминается стихотворение М. Исаковского («Русской женщине?»), а до советских поэтов гимн русской женщине, как известно, сложил Н.А. Некрасов.

Вас. Федоров не просто продолжает традиции. Он утверждает, что их продолжает сама жизнь, а поэты воплощают в художественных произведениях. И сам он один из них:

Я понял:
У женщины право,
У женщины высшая власть.
О женщины!
Русская слава

Под сердцем у вас зачалась.

Красавицы русских селений,
Из вас поклонюсь я любой
За то, что судьба поколений
Становится вашей судьбой. (51)

Лирический герой «Марьевской летописи» - человек совестливый. Ему выпало счастье остаться в живых. Но ведь многие его односельчане не вернулись. И хотя он перед погибшими не виноват, но все равно чувство вины перед ними его не покидает. Отсюда и обращение:

Я в жизни своей необычной
Себя не старался спасти.
Прости меня, друг закадычный,
Мой верный товарищ, прости.

Я знаю, печальная доля –
От ратных трудов отдыхать.
Не жать тебе спелого поля,
Не сеять тебе, не пахать... (48)

Боль потери фронтовых друзей особенно сильно испытывали те, кто с ними вместе сражался против фашистов, переносил фронтовые невзгоды, ел из одного котелка, поднимал сто граммов за победу.

Правильно сказал Л. Шкавро в одном из своих стихотворений:

Уходят в землю повыше солдаты,
А горе остается на земле.

Лирический герой видит, как работает на полях комбайн. И рождаются у него слова, которые можно рассматривать как вывод из содержания всей поэмы. Этот вывод высвечивает самое главное в нем, его суть:

Сердце мое отвердело,
Руки окрепли в боях.
Нас оторвали от дела
На неоглядных полях.

В темножелезные ночи
В дальней немецкой стране
Стали мы, нет, не жесточе...

Дайте рукою рабочей
К миру притронуться мне! (52)

Завершить разговор о поэме «Марьевская летопись» хочется простой мыслью: лирическая поэма, как и любой другой жанр, не сковывает поэта. Это предопределено самой ее структурой, дающей простор автору. Так, в «Марьевской летописи» получили достаточно полное воплощение и тема возвращенная солдата домой, и, тем самым, тема отчего дома, и тема любви, и тема труда, и тема войны. И все это составляет единый сплав. Но главенствует при всем этом тема родной деревни, малой родины.

2. «Белая роща»

Тема Родины – главная и в поэме Василия Федорова «Белая роща» (1956), но решена она в другом ключе. На первый взгляд это поэма о целине. А если глубоко вникнуть в ее содержание, то становится ясно, что тема целина – верхний пласт, что главное и в этой поэме – оригинальное решение проблемы отчего дома.

Основной герой поэмы Егор, приехавший на целину. Освоение целины,

как известно, знаменательный период в истории СССР. Из разных концов страны ехала молодежь, в том числе и студенты, в степи Казахстана и Сибири как в романтические края, не забывая, однако, что там можно и заработать. Так думает и Егор, который не намерен остаться здесь надолго. Вот его мысли по этому поводу:

Вот отработать бы два года,
А там – уехать из глуши
В тот край,
Который любим очень
И, оказавшись вдалеке,
На добром русском языке
Мы называем краем отчим (184)

Но здесь происходит встреча, которая определила судьбу Егора, быть может, навсегда. Сюжетно это мотивируется просто. Егор пришел к реке постирать свою старую рубаху, «зажав в руке коричневый обмылок». В этот момент к нему незаметно подошла Аннушка, которая, как и он, искала счастье на целине. Девушка воскликнула: «Вот так прачка!..» Егору кажется, что это русалка глядит со дна реки, притворяется влюбленной и обращается к нему:

«Дай помогу я, дорогой...» –
И белой, до плеча открытой
Русалка тянется рукой
К его рубашке недомытой (185)

Оказалось не так, это была прицепщица Анна. Вас. Федоров во всех своих поэмах дает поэтические портреты персонажей. И делает это с помощью конкретных деталей, но при этом всегда стремится, чтобы они переда-

вали человеческую красоту. Внешне Анна представлена читателю глазами Егора:

Глядит Егор,
Смущенный встречей,
Как у нее блестят глаза,
Теснится блузка, ходят плечи,
Повдоль спины дрожит коса.
Когда же с ним заговорит,
Из-под капризных завиточков
Большой жемчужиной горит
Серьгой не троганная мочка (185-186)

Вот так первая же встреча с девушкой оказалась взбудоражившей его душу, лишившей покоя.

Эпизод встречи Егора с девушкой автор завершает блестяще:

У ног их
Месяц окунулся
И карасем уплыл в кусты.
Егор вздохнул и отвернулся
От беспокойной красоты (186)

Настала ночь. Друзья Егора спят, не спит только он один. Поэт замечает, что в этом повинна «гобийская теплынь», плывущая над ковылями с ветром, разогретый матрас.

Однако главное – не жара, главное чувство любви, которое лишило его сна.

И тут он вспомнил о матери старой. И сын пишет ей письмо, «дает понять ей между строчек», что ему трудно, просит ее: «мама, выручай».

Отсюда начинается новый поворот сюжета, который теперь оказывается накрепко «привязан» к матери, становящейся центральной фигурой поэмы.

Получив письмо, мать собралась в дорогу. «Поцеловала внучатам рученьки», обещала привести гостинцы. На одну деталь тут следует особо обратить внимание: мать думает, хорошо, что еще не лишняя ни дочери, от которой уезжает, ни сыну, к которому едет. Не случайно старуха так думает. Уже в 50-е годы XX века проблема «отцов и детей» стала важной социальной проблемой: нередко дети оставляли старых родителей одних, без помощи. Так родители для детей становились «лишними», ненужными (злободневная проблема и сегодняшнего дня).

Приехав к сыну, мать увидела «негустую белую рощицу, одинокую на сто верст». Мать, повидавшая на своем веку много и разного, удивляется, глядя на Егора. Она вырастила и успела потерять не одного сына. Старшие от земли уходили, а последний, Егор, потянулся опять к земле. Может, поэтому она особо присматривается к новым местам, где нет еще «ни детей меж собой играющих, ни снующих в траве цыплят».

Старая женщина всем сердцем полюбила Белую рощу, эту красоту среди степи:

В ночи лунные и недлинные,
Когда в листьях блестит роса,
Настоящие соловьиные
В роще слышатся голоса.
А когда заря занимается,
От высоких кипящих крон
На все стороны разлетаются
Щебет, высвист и перезвон.
Мать придет и качнет сединой...
Свет, просеянный сквозь листву,

Отшлифованными полтинами
С дрожью падает на траву (191)

В жизни матери Егора как будто началась новая полоса. Ей становится легко, когда она оказывается на берегу речки или в Белой роще.

Вас. Федоров не случайно обращает внимание на такие детали. Поэт хочет сказать, что старшее поколение свою связь с природой ощущала сильнее, что эта связь была естественной, органичной. Это то, чего не хватает нашему поколению. Перед старухой открыты широкие, бескрайние степные просторы. Ходит, бродит она по степи «верной дружбой заручается незнакомой еще земли», разговаривает с землей. В ее сознании она живая:

Я далекая, я не здешняя...
Многодетная, многодомная,
Я тебе, земля, незнакомая...
Умереть бы мне, где положено,
Где поезжено, где похожено!..(192)

Люди думают о смерти, но не ждут ее. Думала о ней и старая мать, даже присмотрела себе «тихий ласковый уголок» в Белой рощице. И ни Егор, ни его друзья не поняли, почему она так встревожилась, когда они заговорили о раскорчевке березовой рощи, мешающей тракторам при пахоте. Тут позволим себе небольшое отступление. Для старухи Белая роща дорога не только потому, что в ней она присмотрела себе уголок на случай смерти. Для нее это красота, которая должна остаться на земле, должна приумножаться. В этом смысл ее реакции на разговоры о раскорчевке Белой рощи. Для трактористов Белая роща – всего-навсего деревья, мешающие пахоте; для старухи это то, что олицетворяет земную красу, что не имеет цены. Старуха, таким образом, может, сама этого не сознавая, оказываться защитницей природы:

Однажды, как бы между прочим,
Зашел о роще разговор:
Чтобы машины не кружились,
Мол, взять бы да раскорчевать...
Услышала, насторожилась,
Вязанье отложила мать.
Сказала:
– Не туда вы клоните...–
А сердце у самой щемит. –
Вы рощу Белую не троньте...–
Вздохнула тихо. –
Пусть шумит...(193)

Ни Егор, ни его друзья не поняли, почему она так встревожилась, когда они заговорили о раскорчевке березовой рощи. А вскоре он, возвратясь с работы, столкнулся дома с тишиной. Умерла «многодетная, многодомная» мать. Умерла тихо, внезапно, не выпустив из рук рукоделья, так и оставшись сидеть с алеющей на губах перекушенной ниткой. И похоронили люди ее в Белой роще. И не только сын, не только его товарищи, но и природа словно почувствовала потерю:

В роще птицы молчат певучие,
В ней, по-своему загрустив,
Все березы стоят плакучие,
Косы длинные распустив (194)

Вас. Федоров не растягивает описание похорон старухи. Он до минимума доводит используемые выразительные средства, но они позволяют ему передать душевное состояние механизаторов, особенно Егора. Здесь и оригинальное сравнение – могила «словно ухо Земли», и обращение к степи, и

ответ травы, и коллективная прямая речь, и одно только слово Егора, и следующая за ним замечательная метафора «...траур бровей»:

Вышло время обряду скорбному.
Яма, вырытая давно,
Словно ухо Земли,
Которому
Слышать радости не дано.
«Слушай, степь!»
Травы шепчут: «Слу-у-шаю...»
«Мы не гости в краю твоём,
Отдаем тебе нашу лучшую,
Мать товарища отдаем...»
«Отдаю...»
На глаза сыновние
Опустился траур бровей.
Зазвучала в лесу симфония
Тихим шумом
Трав и ветвей (195)

Егор работой хотел смягчить, забыть свое горе. А олицетворенная роща корила его:

«Давно у меня не бывал,
Давно на родную могилу
Цветов запоздалых не рвал» (195-196)

Это, однако, как нетрудно понять, мысли самого Егора, которые автор приписал олицетворенной природе.

Егор, однако, мать не забывает. Он вместо цветов несет на могилу матери пшеничную горсть. С трудом достающийся хлеб он словно делит с ма-

терью.

Теперь Егор понял, что родина не только то место, где человек родился, вырос. Но и тот край, где оказался по воле судьбы и который стал ему дорог. У Егора, во-первых, это уголок Белой рожи, где покоится мать:

В нем отчего края начало,
В нем будущей жизни залог (196)

Во-вторых, это большая любовь, которая пришла к нему в степном целинном краю.

И как всегда, поэт умеет передать красоту любви, красоту девушки в чудесных внешних деталях, за которыми таится и внутренняя красота. Завершающий пейзажный штрих обретает символический смысл: будет создана семья:

Егор пред ее красою
Совсем безоружный стоит.
Вот Аннушка,
Голову вскинув,
Как будто чуть – чуть подросла
И руки свои колдовские
Навстречу ему понесла.
Притихла,
В глаза загляделась,
А вечер прохладен и тих...

Над ними звезда загорелась
Большая – одна на двоих (197)

Герой намерен был вернуться к отчему краю, но обрел его здесь. Так

тема родины, но уже большой, оказывается, сопряжена с темами труда, любви, семьи, красоты, отношения к родителям и природе. Прав был Вл. Еремин, сказавший:

«И эта поэма говорит о большом знании Федоровым обиходной, домашней философии русского народа. Казалось бы, здесь налицо повод для упрека поэту. Хорошо. Вы нас убедили в том, что Егор теперь будет старожилом в целинных краях. Но неужели для этого нужно было в Кулундинской степи умереть его матери? Неужели это единственная причина, заставившая его остаться на необжитой земле? Написанная на «целинном» материале, поэма эта о Родине, о ее сущности, о той сумме правил, которыми руководствуются в данном случае герои поэмы, в частности Егор. В его стремлениях трудно осудить что-либо. Ничего нет предосудительного в том, что он хочет, отработав года два на целине, возвратиться в тот край, который «на добром русском языке мы называем краем отчим». Не осудишь Егора и за то, что он к концу поэмы отступится от этой мысли. Ему не занимать настойчивости. Такие люди поступают только по убеждению. Ведь даже от любви, от «беспокойной красоты» Аннушки он отворачивается, чтобы не расслабиться на пути к цели. И вот решает остаться на целине. Казалось бы, здесь налицо новая нелогичность. Но это лишь на первый взгляд. Нет ничего удивительного, что Егор не хочет уезжать от могилы матери. Для него этот холмик – частица отчего края. И не только для него. «Мы не гости в краю твоём», – скажут целинной земле люди, хоронившие мать Егора»¹.

¹ Еремин Вл. На трудных перегонах. – М., 1984. С. 123

Глава третья

Нравственность как основа любви

3.1. «Далекая»

У Василия Федорова есть ряд поэм о любви. Первая из них – «Лирическая трилогия», уже рассмотренная нами, хотя содержание ее темой любви не ограничивается. Непосредственно любви посвящены «За рекой Ключевой», «Далекая», «Обида», «Первые слезы», «Золотая жила».

Умение передать естественность, красоту и глубину этого чувства – характерная черта Василия Федорова.

«Столетия поэты воспевали любовь, но и по сей день, она остается загадкой. Природа любви – это можно сказать с уверенностью – человечеством изучена недостаточно. Считать ее роковым чувством, не подчиняющимся никаким правилам и закономерностям, оснований явно недостаточно. Но и суровому анализу любовь поддается плохо, «формула ее не выведена»¹, – справедливо пишет исследователь. Но нет надобности «выводить формулу» этого великого чувства. Оно со времен древнейших придает смысл человеческой жизни, возвышает человека над мерзостями в любых их проявлениях. И Василий Федоров это хорошо знал и ощущал, можно сказать, каждой клеткой своего тела. В связи с этим хотим обратить внимание на диалог поэта с критиком Сергеем Лукониным.

Сергей Луконин задал вопрос: «Можем ли мы говорить о традициях в любовной лирике?»

Василий Федоров ответил так: «Если говорить о традициях, как таковых в любовной лирике, то в любви я решительно отвергаю все литературные традиции. Любовь должна диктоваться страстью»².

1951-1952 годами помечена поэма Василия Федорова «За рекой Ключевой». Сюжет поэмы таков: возвращается в родную Шатровку Алданов Ан-

¹ Приходько В.А. Постижение лирики. – М., 1988. С. 22.

² И тогда придут слова. Поэт Василий Федоров о любовной лирике // Москва, 1984, №12. С. 90.

дрей, который не был в ней три года, знакомится с положением дел на селе, в колхозе. Ему становится ясно, что бригадир Антон запустил работу. Видели это и другие. На собрании против Антона выступили первыми его бригадники. Ему пришлось уйти с должности бригадира. На его место выбрали Андрея Алданова.

Дела в бригаде пошли на улучшение.

Случилось так, как в жизни нередко случается. Андрей влюбился в Настю, которая работала в его бригаде. Настя была вдовой Сергея Орлова, героя Советского Союза, которому в родном селе поставили памятник. В свою очередь и Настя полюбила Андрея. Двадцатипятилетняя вдова и своим трудом обращала на себя его внимание.

Некоторое время Сергей Орлов как будто стоит между ними. Она как будто чувствует перед ним свою вину. Но все это скоро проходит и влюбленные приходят к выводу, что им надо жить вместе.

Эта поэма, повествовательная от начала до конца, с отдельными диалогами, пейзажными зарисовками, однако растянута. И второе. Есть элемент искусственности в эпизодах прихода ее и его к памятнику.

«За рекой Ключевой» не столько поэма, сколько повесть в стихах.

Поэма «Далекая» (1954) может быть рассмотрена как продолжение «Лирической трилогии», как поиск ее героини, но уже через девять лет после расставания.

Конечно, девять лет немалый срок. Особенно для девушек, женщин, которые хотят устроить свою судьбу. Но тут есть одно «но». Героиня поэмы, если она любила его, не могла не послать ему весточку о себе. Она, следовательно, в него не была влюблена. Второе. В ней произошли большие перемены.

Давно, когда его и ее сердца бились в лад, отношения их были гармоничными. Теперь, спустя девять лет, он по-прежнему остается влюбленным, а она любовь променяла на мещанское благополучие.

Рассмотрим сказанное подробно. Но прежде одно отступление. В 1958 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга поэм Василия Федорова «Белая роща». Она включала в себя девять поэм, не считая «Лирическую трилогию», которая вошла в одноименный сборник 1948 года, изданный в новосибирском издательстве. Получается десять поэм за десять лет. Это немало.

Один из критиков не без основания в свое время сказал: «Перечитывая теперь книгу поэм Василия Федорова, видишь, что она представляет собой единое целое. Каждая поэма – самостоятельная глава книги, тематически и художественно законченная. И вместе с тем они дополняют друг друга, развивают и ярче выявляют основную идею, заложенную в каждой из них и во всей книге в целом»¹.

Вернемся к поэме «Далекая». Она, как и все остальные поэмы Василия Федорова, имеет сюжет и глубоко при этом лирична. Повествование идет от первого лица. Автор и лирический герой здесь тоже очень близки. Если иметь в виду предыдущие поэмы автора, особенно «Лирическую трилогию», то нетрудно убедиться, что в этой поэме мы видим тех же героев, но обогащенных иным жизненным опытом.

В «Лирической трилогии» герой был в основном занят поиском своего личного счастья. На его долю при этом, как мы видели, выпадают серьезные испытания, утраты. И он идет через испытания, с достоинством переживает утраты.

В поэме «Далекая» поэт смотрит на любовь как на явление социальное, с которым связаны понятия о человеческой красоте. Поэма начинается как бы с напоминания, что речь пойдет о той, с которой лирического героя связала судьба в Сибири в годы войны, в пору нелегкой жизни эвакуированной ленинградки. Там, в гостеприимной сибирской стороне, он, «и бедствуя и маясь, ее, красивую, сберег».

¹ Любовцев Вл. За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих // Молодая гвардия, 1959, №7. С. 225.

Но то все было когда-то. Прошел немалый срок. Миновали дни войны. Ленинград взял ее обратно. Детали остались запечатленными в «Лирической трилогии». К моменту возникновения поэмы «Далекая» выявилось главное: осталась в душе любовь, ее музыка, звучащая в Сибири. С ними он и отправился в путь:

Права любви
Да будут святы.
Настроенный на этот лад
Все девять лет,
Я на десятый
Решил поехать в Ленинград (136)

Как и прежде, герой поэмы доверчив. Ему все кажется, что юная девушка, разделившая с ним трудные годы жизни в Сибири, живя уже в Ленинграде, не может не помнить о нем, «не может, сидя за роялем, не бредить снежным краем, кострами на голубом снегу и строгостью сибирских елей». Оттого и поразительнее для него контраст между той, сибирской, с согревающей ее плечи старенькой шалью, и этой, в Ленинграде, с дрожащей серьгой золотой, с соболями на плечах, в квартире, где все говорит о ее довольстве той жизнью, которой она теперь живет. Со стены, улыбаясь, глядит «семьи удачливый добытчик». Она давно замужем. Растет сын.

В поэме нет ревности. В ней есть святая скорбь высоконравственного человека о человеке, нравственно погибшем. Но герой этого еще не знает. Понятно, с каким чувством он обращается к городу:

В какой из каменных шкатулок
Ты скрыл жемчужину свою? (137)

Он ходит под окнами и прислушивается к звукам:

Она не может не играть,
Задумавшись, она не может
Наш снежный край не вспоминать
И трудный срок,
Что с нами прожит (138)

Герой еще не знает, что все это она давно позабыла, но мы об этом уже догадываемся. Да и он сам как бы подсказывает нам это, говоря о разной манере игры, о разном характере музыки, которую слышит и по которой хочет отыскать свою любимую:

Вот эта:
До чего ж юна!..
Рыбешкой в чешуе нарядной
Все хочет вглубь,
А глубина
Выносит, легкую, обратно.
Отчаясь в глуби заглянуть,
Она без муки повторенья
Спешит на солнышке блеснуть
Своим красивым опереньем.

А этот
Все постиг уже
И, неприступный и холодный,
На самом нижнем этаже
Живет, как сом глубоководный.
Там воды тяжки и темны,
Но с ними нелегко расстаться...

В нем сердце может разорваться
От недостатка глубины (139)

Здесь уже видна позиция дальнейшего решения характеров.

Но вот и встреча. Герой находит свою красивую и не узнает ее. Для большей отчетливости этой сцены, для большей контрастности Федоров избирает другой, тревожный ритм стиха, выражающий скорбь героя, потерявшего свою мечту, и смятение найденной героини:

На меня удивленно глядит
Глазами широкими,
Будто знала, что был я убит,
Будто знала, что был я зарыт.
И, как многие многими,
Был за давностью ею забыт (141 – 142)

Она, ничуть не обрадовавшись ему, спрашивает: как он разыскал ее, кто сказал адрес?

- Кроме сердца,
Никто не сказал! (142)

Если в начале поэмы каждая деталь подчеркивала любовь героя, красоту его любимой, то теперь все против нее. Она не просто села с ним за стол, но -

Сервизом чайным
Отгородилась от меня.
Заводит речь о жизни райской,
О безупречности своей,
О муже... И фарфор китайский

Даже при встрече с человеком, с которым прожит «трудный срок» эвакуации, у нее не находится иной темы для разговора. Конечно, дело здесь не в фарфоре и всех безделушках, которыми она себя окружила. Отошел от жизни человек, способный активно в ней участвовать.

В поэме нет подробностей, рассказывающих о том, как могло и случилось такое с любимой. Не будем их дорисовывать и мы. Здесь все построено Федоровым на контрастах. Мы знаем о двух встречах героя с любимой. Между встречами расстояние в десять лет. Но время здесь не при чем. Тут вступили в силу законы нравственные. Слишком разные эти люди - Он и Она. Обратим внимание лишь на один мотив. Он вовсе не случайный. Федоров придает большое значение отношению героини к искусству, к музыке. В Сибири она играла, могла покорять своей игрой. Ее музыкой в «Лирической трилогии» герой измерял глубину ее чувства. Можно по-разному относиться к тому, что в Ленинграде он решил отыскать свою любимую, отличив ее игру от игры других. Не будем понимать это буквально. Федоров хотел сказать лишь то, что ее игра была подлинным искусством. Когда же герой при встрече в Ленинграде попросил ее сыграть, она сказала ему: «О нет... Давно уж не играю!..» Но он ведь слышал знакомую мелодию, пришел на ее зов. Отсюда удивление:

«Но кто же, думаю, играл,
Но кто же бредил здесь пургою?
Чьи руки воскресить сумели
Те ночи давние, те дни:
Непотухавшие огни,
Незатихавшие метели?» (145)

А играл мальчик, ее сын, который, может, слышал рассказ матери о ее

жизни в Сибири, который «вспомнил» то, что забыла мать. В этом - воскрешение истины, ее преемственность. Но в том, что забыла мать - падение героини, ее потеря себя как человека, когда-то способного на большую роль в жизни, чем роль приобретательницы мещанского благополучия. И герой уходит. Поэма окончена. Но Федоров не откладывает пера, а начинает большой разговор с городом, который позволил ей так опуститься в мещанство, в мирок, где не позволят появиться «той девушке, носившей шаль».

В начале поэмы герой хотел поссориться с Ленинградом - «права любви да будут святы». Он считает законным свой иск, предъявленный городу:

Мы можем боль нести годами
И все стерпеть.
Но иногда
Мы ссоримся и с городами,
Когда обидят города (146)

Законным этот иск остается и в конце поэмы. Но ссоры не получилось. Во всяком случае, тон разговора спокойный, деловой и потому убедительный:

О город великий,
Ты проснулся -
 давай говорить.
Как мне быть?
Если горем согнут,
В суд приду я с болью своей,
Мне суды твои не помогут.
Нет у них подходящих статей:
Я приехал из дальней дали
И уеду, о том скорбя,

сравнения тут поражают самобытностью, красотой и точностью. Приводим небольшой отрывок:

Из черпака
Глоток испивши
Ты вскинешь воду –
И твой взгляд
Увидит, что к земле застывшей
Не брызги падают, а град.
Здесь хватка у мороза злого
Крепка, остра, как волчий зуб...
Ты слово вымолвишь –
И слово
Ледышкой слетает с губ.
Весною стан березки волглой,
Как хочешь, ты и выпрямляй.
А в эти дни ее не трогай,
Легко сломаешь –
Не ломай!.. (149-150)

А дальше уже и непосредственное описание метели идет в таком же плане мастерски сделанной картины. Начало поэмы интересно, во – первых, как реалистическая картина зимы. Во – вторых, картина эта имеет и переносное значение, является художественным предварением испытания, выпавшего на долю Насти, молодого зоотехника. А березка, которую упоминает автор, - открытая параллель к образу девушки.

Описание зимы, метели можно рассматривать как вступление к основной части поэмы. Отсюда начинается повествование о селе, над которым семь дней бушевала метель. На восьмую ночь закончился «кормов запас не-

Что ее у меня украли...

Но украли и у тебя!..(147)

Нет, ссориться с городами не надо. А если стоит, только потому, что в их судах не находится «подходящих статей», ибо в таких случаях они тоже не гарантированы от малых и больших ошибок. Теперь поэма окончена, и она принимает совсем иной смысл. В ней не какой-то пересказ истории из жизни героя - она становится призывом к борьбе с иждивенческой моралью, призывом к подлинно красивой жизни.

Поэма получает социальное звучание.

Критик В. Тельпугов высказывается о поэме «Далекая» так: «...Человек девять лет не видел девушку, в которую был влюблен. Наконец разыскал ее в Ленинграде, специально приехав сюда из Новосибирска. Разыскал и горько разочаровался: Она была уже не той, какой он знал ее прежде, - погрязла в мещанстве, в ограниченном убогом мирке своей новой семьи.

Герой поэмы должен был бы пережить тут глубокую драму. Он навсегда потерял любимого человека. Но поэт сделал весьма робкую попытку показать душевное состояние человека в эти переломные в его жизни минуты. Герой утешился быстрее быстрого: вышел на улицу, услышал за спиной звонок первого утреннего трамвая, обернулся и встретился взглядом с «девушкой, похожей на потерянную мечту»¹.

С этим утверждением нельзя не согласиться. Действительно, в поэме есть надуманность, а поэтому и отступление от жизненной правды налицо.

3.2. «Обида»

В 1954 году написана Василием Федоровым и поэма «Обида». Великолепно по умению живописать словом уже начало поэмы, которое является картиной зимы, страшной метели, обрушивающейся на село. Метафоры,

¹ Тельпунов В. Жизненное и надуманное // Новый мир. – 1955. №7. С. 260.

На сугробах курится,
Вихри снега свистят над селом,
Будто белая – белая птица
Приопустится вниз, разлетится
И ударит по Насте крылом. (153)

Но Настя на «удары» метели уже не обращает внимание. Она даже «ва-режкой праздничной вязки перестала лицо закрывать». Настя стучит в окна, двери сельчан «сильней, чем стучала пурга»:

«Одевайся теплей
Фуражиры с пустыми санями
Возвратились на фермы с полей...» (153)

Постучалась она и к своему любимому Олегу.

«Быстро!... В красный иди уголок!...
Только слышишь...
Оденься теплее!...» (155)

Здесь уже следует обратить внимание на нередкие и в наши дни вме-шатательства родителей в отношения влюбленных.

Мать Олега оказалась женщиной из разряда таких. Она методично на-страивала его против нее:

День и ночь она точит Олега:
Дескать, больно уж Настя горда.
То и дело твердит, не смолкая:
Мол, такую не тронь, не обидь.
И поженитесь, будет такая

дельный». Наступил критический момент: «в губах ягнят последний венник...».

Метель метет, а в теплом доме не спят ночью сторож, «старый инвалид, да Настя, юный зоотехник».

Василий Федоров, чтобы передать состояние девушки, которой «любовь в сердце постучалась», и которая «семь длинных зимних вечеров не встречалась» с любимым Олегом, использует ее воспоминания, контрастные жуткой метельной ночи:

Вдруг чувства все ее наполнят
Как теплота,
Как пламя – печь...
Еще и нынче губы помнят
Счастливые минуты встреч.
Припомнит –
Будто обожжется,
И вновь горят ее уста...
В них и поныне бережется
Тех поцелуев теплота (151)

От воспоминаний своих Настя очнулась вдруг. Ей показалось, что «скрипят саней железные полозья», но это только плач ягнят да тихое бляенье козье. Фуражиров с кормом все не было и не было. Настя просит старика выйти и посмотреть, что там снаружи, но он отказывается и даже хвастается: «Где я с централкой, там уже и лютый зверь не порезвится». И тогда Настя приняла решение: «подняв высокий воротник, в слезах метнулась к двери».

С этого момента начинается драматический поворот сюжета, набирающий силу:

Снежный дым

Из тебя же веревочки вить (154)

Вот и собрались в красном уголке ребята – механизаторы, трактористы, которые должны были поехать за кормом для скота. В их числе и Олег. Только почему – то он грустен. И она, чтобы прогнать его грусть, «первой бросила на стол варежки праздничной вязки». То же сделали и еще шесть девушек. (По обычаю сибирскому, девушки в знак особого внимания дарили любимым перчатки своей вязки). Вот тут и сказались материнские наставления Олегу: шесть юношей взяли со стола шесть пар варежек, а седьмая - Настина пара осталась на нем. Небольшой диалог вносит ясность в разлад между ею и любимым. Она первой обращается к нему:

«Ну возьми же... В такие метели
Не помилует холод степной...»
У Олега глаза потемнели.
- Что ты, - крикнул, -
Мудруешь со мной?!
- Нет же, нет... Это ради поездки...-
Говорит она тихо ему.
- Знаешь, Настя, на данном отрезке
Предоставь мне решить самому» (158)

И Настя на трудное задание с механизаторами поехала сама. Благодаря ее решимости скот был спасен. Однако обида на всю жизнь осталась в сердце девушки.

Олег о своем поступке пожалел, но оказалось поздно.

В. Тельпугов, имея в виду эту поэму, пишет: «Непонятно возникновение этого конфликта. Молодые люди любят друг друга, один в другом души не чает, но автору почему – то захотелось их поссорить. И в результате не конфликт, а недоразумение. Но недоразумение разъясняется хотя бы «под

занавес». Здесь же оно оказывается «злокачественным» - Настя и Олег так и уходят из поэмы со своей непонятной размолвкой»¹. Это утверждение странное. Размолвка молодых очень понятна. Олег в критический момент предал любовь. Такое в жизни случается и не прощается.

Нам представляется правильным и обоснованным другое утверждение: «Обида» - это повесть о гордой любви, которая не может простить любимому трусости и малодушия. Характер героини, комсомолки Насти, целен и обаятелен. Она простодушна, хотя и не проста в своих душевных движениях. Но все оттенки ее переживаний мотивированы развитием характера, сюжета, раскрыты в поступках героини»².

3.3. «Первые слезы»

Поэма «Первые слезы» (1956) строится на локальном сюжете. Это поэма случая. Действие ее происходит на целине, куда приезжали молодые люди из разных концов страны. Основные герои – учетчица Вера, тракторист Женька Черемной, Марина и Павел.

Женька Черемной воображает себя сердцеедом. Для него важна не любовь, а победа над девушкой, овладение ею. Его полюбила двадцатилетняя учетчица Вера. Почувствовавший это Женька не стал медлить, что становится ясно уже в самом начале поэмы:

В горячем отблеске костра звучат два голоса:

Один все громче и решительней,

Другой все тише и слабей:

- Не мучай, Вера.

- Я не мучаю...-

Теряя над собою власть...(166)

¹ Тельпугов В. Жизненное и надуманное // Новый мир. – 1955. № 7. С. 260.

² Денисова И.В. Беззаветно служить красоте. О поэзии Василия Федорова. – М., «Современник», 1978. С. 31.

И словно предостережение в этот момент «еще одна звезда падающая с небесной кручи сорвалась».

После свидания с Женькой «двадцатилетней учетчице» снится сон, снится «продолжение свидания на берегу», «снятся объятия». Но во сне появляется и ее мать:

Как в детстве,
Вера к ней прижалась,
Веселый не сдержала смех.
- Ты отпускать меня боялась..
А видишь – я счастливей всех. –
Мать смотрит на нее тревожно,
А почему и не поймешь:
- Родная, будь же осторожна.
- Ну что ты, мама, он хорош! (167)

Сон, как прием композиции, в поэмах Василия Федорова встречается часто, играя важную роль. В данном случае он важен как материнское предупреждение. Ответ дочери предназначен для успокоения матери. На самом деле вряд ли она была полностью уверена в том, что Женька – «хороший».

В этой поэме, как в кинофильме, одна картина сменяется другой.

Вера вдруг проснулась и увидела над собой прицепщицу Марину, которая работала и ночью. Здесь уже интересен диалог подруг. Начинает его Марина:

Меж губ, кривясь,
Легла усталость.
Сказала, их разжав не вдруг:
- Пробегала!... Процеловалась!...-
У Верыхватило дух,

Приподнялась – и нет дремоты,
Державшей только что в плену.
- Ты мне завидуешь!
- Да что ты?!
- Да – да, завидуешь!...
- Чему?...

Усталый взгляд еще жесточе.
- Чему? Чему? Ну, говори! –
Твердит пришедшая из ночи
Другой, пришедшей от зари.
И Вера, ставшая смелее,
Решилась на словесный бой:
- Тому, что я ему милее,
Что он со мной, а не с тобой!...(168)

Итак, Вера думает, что Марина тоже влюблена в Женю и решает не уступить ей. Она почувствовала себя счастливой и степь перед ней, поэтому развернула ковер цветов и трав.

Женя Черемной из разряда молодых людей, которые с девушками встречались не по любви, а чтобы получить очередное удовольствие. Его броская внешность, рассчитанная на эффект, соответствует его внутреннему содержанию:

С улыбкой, с шуточкой,
Неотразимой для девчат.
На нем шагреновая курточка,
И зубы и глаза блестят.
В нем все для форсу и бравады:
И темный ус, подбритый в срок,

И чуб для девичьей привады,
Положенный на козырек (170)

На очередном свидании он пытается овладеть девушкой, открыто говорит о своем намерении. Вера упрекает Женю в том, что он любит Марину. На что получает ответ: «Марина – пройденный этап». Он тут неправду говорит. Марина чуть не допустила ошибку, увлекшись Женей, но быстро разгадала его благодаря действительно любившему ее Павлу.

Основу этой поэмы составляет случай, которой позволяет увидеть жизнь и человека в истинном свете. Главный прием, использованный автором здесь, прием узнавания.

Вере предстоит постигнуть, и мудрую азбуку труда, и еще более мудрую и сложную азбуку человеческих отношений.

Страшно, когда один на один сходятся чистота и подлость, наивность и коварство. Такое свидание не кончается слезами. Не кончились бы ими и отношения Веры с Женькой Черемным, если бы не нашлись люди опытнее, сильнее Веры, добрее и чище Женьки. Другая героиня поэмы - Марина - сумела доказать ослепленной Вере, чего стоит ее избранник. Другой же герой поэмы - Павел - сумел доказать Женьке Черемному, готовому с кулаками отстаивать свое право на подлость, что ему придется раз и навсегда усвоить истину:

У нас есть право лишь на честность,
У нас на подлость права нет (180)

Это поэма не только о первом уроке Веры, изучающей мудрую азбуку жизни, не только о ее первых слезах. Это поэма о добре и зле, об извечной вражде двух этих начал, о расстановке их сил и в наше время, о том, что за добро нужно бороться, настойчиво и упорно. Мудрость жизни, жизненная мудрость - вот награда за все испытания. А мудрость разборчива. Она – на-

дежный и проводник и спутник. На целине Вера впервые соберет свой первый урожай, первые зерна жизненного опыта.

«Первые слезы» - поэма о первых разочарованиях девушки, о неудавшейся любви. Если бы зло исходило не от самих людей, с ним, наверное, давно бы было покончено, потому что оно проявлялось бы однообразнее. Люди создали громоотводы, чтобы усмирять губительность грозových разрядов, люди научились предупреждать стихийные бедствия, открыли много законов, по которым развивается жизнь, на которых строятся человеческие отношения. Но и при наличии и соблюдении этих законов не устаревает старинное: «Человек познай себя!» Герои поэмы «Первые слезы» не делают эти слова своим лозунгом, но они познают себя, других, они сознательно и бессознательно на многое открывают глаза друг другу.

Завершить проанализированные поэмы следует мыслью, которая имеет отношение к ним всем. Проходит она в статье Михаила Лапшина «Не левее сердца». «Темам любви, поискам красоты, борьбе Добра со Злом посвящены поэмы Василия Федорова «Далекая», «Обида», «Первые слезы». Но по художественным достоинством они уступают лучшим произведениям поэта. В них заметна надуманность ситуаций, конфликтов, недостаточная мотивированность поступков персонажей»¹.

Это утверждение верно в отношении поэмы «Далекая», но повторяет сказанное В. Тельпуговым.

И еще: не все произведения даже самых великих поэтов по своим художественным достоинством одинаково совершенны. В противном случае мы не могли бы иметь ясное представление об их творческой эволюции.

3.4. «Золотая жила»

В 1957 году Василий Федоров написал поэму «Золотая жила». Это поэма, с одной стороны, историческая, потому что воскрешает былое, показы-

¹ Лапшин М. Не левее сердца. // Москва, 1990. С. 197.

вает на конкретном примере, как и почему люди шли в революцию.

Во – вторых, это образец поэмы – биографии: автор повествует о судьбе своего деда. «Золотая жила», в отличие от рассмотренных поэм, поэма характеров.

В начале поэмы Василий Федоров дает портрет своего деда, подчеркивая тем самым его богатырскую силу:

С вызовом
Выбрасывая звонь,
Молотом играет Харитон.
«Будь покорен», - говорят законы.
Только Харитону что закон!
Молодой,
Лицом и телом ладный,
Лошадь зашибавший кулаком,
То, что величаем мы кувалдой,
Называл он просто молотком.
У него в руках железо пело,
У него от жаркого труда
На лице румянном накупела
Черная с рыжинкой борода (216)

В деревне был только один равный Харитону по силе. Это его друг Назар. Первый – высокий, второй – раздавшийся в плечах. Друзей отличала не только сила, но и нравственность, как правило, свойственная простым и сильным людям. Поэт, продолжая характеристику друзей, использует гиперболу:

Не один опустит злое око,
Как пойдут они на шумный яр,

Харитон, поднявшийся высоко,
И в плечах раздавшийся Назар.
Как придут они туда да стукнут
С силой, застоявшейся в ногах,
Аж леса окрестные аукнут,
Озеро качнется в берегах,
Сила их носила, возносила
Над безумьем деревенских драк.
Лишь однажды их лесную силу
Подлость одолела...(216)

В самом начале поэмы автор показывает, в чем заключалась подлость, которая друзьям чуть не стоила жизни. Это кульминация, если можно так выразиться, номер один.

По деревне пошли крики, свист. Старосте Царьку ловили жеребца:

Рыжий, как огонь,
Как ветер, скорый,
Он скакал меж криками:
«Гони!..»
На подворьях рушились заборы,
В огородах падали плетни. (217)

Харитон и Назар за ведро самогона решили остановить жеребца, укротить его:

Харитон, лицом почуя жар,
Левою рукой схватил за холку,
Правой за ногу...
А тут Назар...(217)

Когда Харитон и Назар опьянели, на них с кольями пошли шуряки первого. Они были злы на него за то, что он ушел от их сестры:

За позор сестры они платили,
Как не платят за разор врагу.
Другов били,
Другов молотили,
Как снопы молотят на току. (219)

Это было устроено не случайно. Трое братьев вынашивали месть. Но Харитон и Назар перенесли побои. «Как очнулись, сила воротилась, отданная ими за вино». На Руси любили пить во все времена. Отношение к этому поэта вполне понятно:

Был бы там,
Решился бы, спросил я,
Отчего был дед на зелье лют,
Почему сыны твои, Россия,
Больше всех на свете водку пьют?
Почему?...
Не надо удивляться.
Наши деды по нужде, поверь,
Пили столько,
Что опохмеляться
Внукам их
Приходится теперь (218)

Дальше имеем неожиданный поворот сюжета. Однажды кузнец Харитон пошел в лес. Он испытывал топор, идя «к лиственнице, крепкой как железо».

И вдруг услышал женский крик:

Он раздвинул бремя навесное

И увидел, глядя в полумрак,
Как шаталось чудище лесное,
Жадно щуря маслянистый зрак.
В страхе пятилась,
С малиной сладкой
Прижимая к сердцу туесок,
Глаша, темнокося солдатка,
От большой беды
На волосок (220 – 221)

Ситуация оказалась критической, медлить было нельзя и в мгновение «старая медведица упала, острие отведав топора».

Василий Федоров прежде всего стремится обратить внимание на внешнюю красоту человека, особенно если это женщина. В этом искусстве равных ему нет. Вот как говорит он о солдатке, которая чуть не лишилась жизни. Это, однако, взгляд не автора, а героя:

И лежала после этой схватки,
Разодрав одежду о кусты,
Глаша, тонкобровая солдатка,
В полном цвете бабьей красоты.
Будто видел он совсем другую,
От которой глаз не отвернуть,
И смотрел на белую, тугую,
Ягодой осыпанную грудь (221)

Василий Федоров здесь тоже проявляет свое мастерство живописи словом.

Наверно, прав был Лобрюйер, сказавший: «Любовь возникает внезапно и безотчетно: нас толкает к ней страсть или слабость. Довольно одной привлекательной черты, чтобы поразить наше сердце и решить нашу судьбу»¹. Любовь Харитона – самое веское подтверждение этих слов.

¹ Жан де Лобрюйер. Характеры. – М. – Л., 1964. С. 85.

Харитон отличается не только богатырской силой. Удивляет нас и его нежность:

Вот как об этом говорит и показывает это Василий Федоров. Перепуганную, потерявшую сознание Глашу Харитон несет на руках домой:

И пока донес,
Легко ступая,
Мягкою травкою не шурша,
Темная,
Крестьянская,
Скупая
Нежностью истаяла душа (222)

Здесь прослежен каждый шаг Харитона. И сам поэт, должно быть, боялся нарушить эту необыкновенную тишину какой-нибудь звучной деталью или неловким словом.

Вопреки деревенским судам-пересудам влюбленный Харитон приходит в дом спасенной им солдатки Глаши, бросает на порог шкуру убитой медведицы, чисто вытирает о нее сапоги, и мы снова видим, сколько нежности в этом таежнике, как сильно его чувство, как решительны он и Глаша:

Грубый,
В домотканое одетый,
Не читавший даже букваря,
Он сказал, как говорят поэты:
- Золотая искорка моя! (222)

Их счастье с Глашей опьяняющее, какое-то отчаянное, беспокойное. Харитон отворачивается от законной жены, с которой «помнит: сговорились не сердцами. Помнит: в торге долгом и скупом было все устроено отцами, скреплено законом и попом». Ни месть шуринов, ни моления жены богу не в силах остановить, заставить «остепениться» Харитона. Даже «божьи руки оказались Глашкиных слабей». Тут невольно вспоминаются Григорий Мелехов и Аксинья из «Тихого Дона». Конечно, Василий Федоров не мог не знать

великое произведение М. Шолохова. Но поэт, как нам представляется, не копировал его героев. Василий Федоров шел от биографического материала и своей поэмой еще раз подтверждал типичность любви, во имя которой отвергаются все преграды и даже смерть. Более драматический поворот принимает поэма с возвращением мужа Глаши — Игната. Игнат — жертва военной муштры, жертва той обстановки, из которой люди не находили выхода. Этот защитник Порт-Артура счастлив. Он остался жив. Вражья пуля «разрешила» ему повидать свою жену, Глашу. Она для него - единственное, что осталось в жизни. Он возвращается усталый, опустошенный. Но он идет жить, он несет с собой тополек, спрятанный в бутылке.

Василий Федоров умеет незаметно перейти от ровного рассказа, от размеренного повествования к большому обобщению:

Мудрость жизни -
Вот за службу плата.
И жену, какой бы ни была,
Десять лет служившему солдату
Спрашивать не надо,
Как жила. (225)

Симпатии Федорова определены, но у него нет любимчиков среди героев. Поэтому каждый из них имеет то, что иметь должен. Игнат не спрашивал жену, «как жила». Не без досады слушал он и услужливого возницу. Но лицо его станет хмурым, «как тайга», под его усами приживется «горькая усмешка». Все это усиливает драматизм поэмы и подготавливает исключительную по своей силе, по проявлению характеров сцену объяснения Игната и Харитона, который обязательно постучится к Глаше, как только муж отлучится в город. Харитон постучал в заветные двери, но вслед за ним постучал и Игнат, а затем с прежнею усмешкой вырос перед растерявшейся Глашей. Дрожь проходит по спине от слов Игната:

- Харитон! Не прячься, выходи!
Посидел, помиловался с Глашей,

А теперь со мною посиди!.. (231)

Страшно испытание, которому подвергает Игнат Харитона и Глашу, которая не смогла выдержать, как после каждого выпитого стакана водки, Игнат кормил с ножа своего соперника. Игнат мог зарезать Харитона. Харитон мог убить Игната. Но этого не случилось. Было только испытание: молчаливое, напряженное, суровое:

Вновь полны стаканы.

С третьим звоном,

С третьим подношением ножа,

Глаша на пол рухнула со стоном...

Встал Игнат.

- Ну, погостил - и ша!.. (232)

И все. И разошлись два богатыря. Харитон понимает, что Игнат здесь хозяин, что на его стороне законы.

Но не это тревожит Харитона и заставляет его отступить. Он понимает и Игната, у которого нет ничего в жизни, кроме жены. Обо всем этом говорит задрожавший под поднятым кованым сапогом Харитона тополек, посаженный Игнатом. Нет, Харитон не может его тронуть. Ему снова возвращаться к нелюбимой жене, ему всегда думать о «неволе» Глаши, и это единственное, что ему не под силу.

Харитон бросает вызов закону, уходит от опостылевшей ему жизни на поиски золотой жилы, чтобы изменить закон с помощью золота. Наивный силач, конечно, не открыл самородных жил, но «с царем о Глаше, о законе все же Харитон поговорил». И тоже по-русски:

...где-то у Читы

В павшем партизанском командире

Признавали дедовы черты (237)

Ушла из родной Марьевки и «Глаша, тонкобровая солдатка». Ушла искать любовь свою, где б она ни была, ушла без адреса, в тайгу: «Думала, красивого такого разве же не знают в том краю!»

В поэме «Золотая жила» Федоров показал гордую жизнь гордых людей. Трагична здесь любовь. Трагична и жизнь с ее противоестественными писанными законами. Это придает поэме глубокий социальный смысл. В одном из лирических отступлений поэт говорит, обращаясь к деду:

Горе и теперь в сердца стучится,
Но сердца вольны вступать с ним в бой.
И со мною не могло случиться,
Что случилось некогда с тобой (230)

Да, законы, при которых живут внуки Харитона, не калечат, не сковывают их любви. Ради этого где-то у Читы погиб он с оружием в руках. Да, мы уже иные люди. О нас, наших поколениях написаны другие поэмы, в другое время, другим языком и с иными чувствами. Харитон совершил подвиг ради своей и нашей жизни. Поздними поколениями, поколением Наты Граевой, самого Василия Федорова оплачено наше сегодняшнее и завтрашнее. Но, хотя живем мы в более счастливое время, «горе и теперь в сердца стучится». И любовь внуков Харитона нередко оказывается драматичной.

Завершаем анализ поэмы словами исследовательницы творчества поэта И. Денисовой: «Золотая жила» - это тоже своеобразная летопись Марьевки и ее нравов. Поэма отличается редкостным слиянием формы и содержания, поражает живописностью образа, «густотой» и точностью языка, выпуклой, скульптурной лепкой характеров. Поэт вложил в нее воистину золотую жилу своего таланта... В поэме впервые зазвучал во всю силу эпический талант Василия Федорова, раскрылось его мастерство предельно коротких, но исчерпывающих характеристик и самохарактеристик в динамичном, непринужденном диалоге¹.

¹ Денисова И. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Федорова. – М., «Современник», 1978. С. 26-27.

Глава четвертая

Красота как социально – эстетическая категория.

4.1. «Проданная Венера»

Василия Федорова всегда интересовала проблема морального совершенства человека, его внутренней и внешней красоты. В этом отношении наиболее показательной является поэма «Проданная Венера» (1956)

В теме красоты поэт воплощает свое понимание смысла человеческого существования. Не случайно П.С. Выходцев отмечал: «Для Федорова образ Красоты стал настолько вместительным и глубоким, жизненно содержательным и всеобъемлющим, что через него ему удалось передать неповторимые черты времени»¹.

Сам автор так сказал о своей поэме: «Основной вопрос, волновавший меня в «Проданной Венере», был о человеческой ценности, о его духовной и физической красоте, даже более о физической, ибо и она – продукт социальный. Человек приходит в жизнь и становится участником лишь коротенького отрезка человеческой истории, полной противоречий и борьбы, и тем важнее, чтобы на этом коротком отрезке мы не забывали о главном – о счастье и красоте не только в каком-то отдаленном будущем, но еще при жизни человека»².

Красота у Вас. Федорова имеет два плана. С одной стороны, это мечта о гармонически прекрасной личности, которая выросла не на пустом месте, а порождена верой в лучшее будущее. С другой, - это борьба за красоту. Тут обратим внимание на одну частую особенность поэтики Василия Федорова, которая налицо и в его поэмах и о которой уже сказано в критике: «Излюбленный эпитет Федорова к красоте – земная, то есть реально существующая

¹ Выходцев П.С. Новаторство, традиции, мастерство. – М., 1970. с. 110.

² Федоров Вас. Собр. соч. в трех томах. – М., 1976. Т. 3. С. 604.

или могущая существовать красота, которую создают сами люди и которая неотделима от людей»¹.

В «Проданной Венере» тема красоты получила вершинное воплощение. Заветная для поэта мысль о единстве понятий красоты, прекрасного и лучших нравственных принципов, входящих в жизнь и в ней утверждающихся – центральная мысль поэмы. Но она осложнена его раздумьями над единством исторического процесса, охватывающего и «мировые потрясения и горе одного двора».

Романтический пафос поэме придает возвышенная мечта, порожденная верой в высокий идеал.

В центре поэмы два образа – образ земной девушки Наташи Граевой и образ вечной – «Венеры» Тициана. Их судьбы и составляют сюжет поэмы.

Композицию поэмы тоже отличает двуплановость: рассказ о жизни Натты Граевой, земной девушки, перемежается с повествованием о судьбе «Венеры» Тициана. Обе героини потеряли красоту: Наташа Граева в годы Великой Отечественной войны. Это личный план. «Венера» Тициана имела значение эталона женской красоты для всей страны. Но была навсегда потеряна в годы индустриализации.

И вечная красота Венеры и земная красота Наташи Граевой были отданы за будущее, за новую красоту.

Но необходимо посмотреть на поэму и с другой стороны. Верно, что все наши достижения в экономике, культуре, политике достались нам немалой ценой. Однако, Федоров мог бы взять судьбы куда более сложные, чем судьба деревенской девушки Натты Граевой. И мы знаем, что во время Отечественной войны были люди с более трагическими судьбами. Сколько женщин с войны пришло калеками, со страшными контузиями, с ужасными ранами. И потеря Наташи Граевой, которая лишилась только внешней красоты,

¹ Любовцев Вл. За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих...// Молодая гвардия. – 1959. №7. С. 225

меньше, чем женщин, которые утратили не только внешнюю красоту, но и здоровье.

Но у поэта своя задача. И не случайно у него в поэме «Проданная Венера» речь идет о потере красоты, прежде всего внешней.

Героиня поэмы Наташа Граева, которая вызывала восхищение своей красотой, в годы войны сильно изменилась: превратилась из красивой девушки в пожилую женщину. Но произошло это потому, что Наташа не сидела, сложа руки, и берегла свою красоту. Она вынесла на себе все тяготы войны.

Параллельно с образом Наташи, как мы уже указали, в поэме проходит образ прекрасной женщины, сотворенной художником. «Венера» была продана за океан, потому что страна, которая начинала только строиться, нуждалась в машинах, станках. Чтобы приобрести их за границей, люди расстались с этой «красотой»:

Когда в Магнитогорске рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли. (208)

В этом проявляется общность судеб обеих героинь поэмы. Красоту они потеряли не даром. Они отдали ее тогда, когда страна больше всего нуждалась в ней. В этом проявляется активность и действенность их красоты. Василий Федоров в поэме не только утверждает действительную красоту, но и борется за нее. Эта борьба за красоту выражается в том, как оценивают люди красоту Наташи Граевой и красоту титанической «Венеры».

По мнению рассказчика, от которого идет повествование, Наташа Граева это –

Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла! (200)

Это один взгляд на красоту Наташи. Но деревенские люди судят о красоте Наташи по-своему. Для них внешняя красота – это еще не красота. И потому, гордая стать Наташи, ее взгляд кажутся им заносчивостью. Дело в том, что Наташа в их глазах бездельница, никому не нужная красивая игрушка. Поэтому они, оценивая ее красоту, говорят:

-Конем любят в упряжке-
Конь на гульбе – еще не конь...

В этом взгляде на красоту Наташи отразился извечный взгляд крестьян на женщину как на здоровую, сильную работницу.

И это скрывало от них остальные сильные стороны женщины – нравственную и душевную чистоту. Поэт не приемлет такой взгляд на красоту. Поэтому он показывает Наташу Граеву в годы войны, «не на гульбе». Мы видим Нату –

...с темными горшками,
перекаленными в печах,
с шестипудовыми мешками,
на перекошенных плечах. (202)

Тяжелый труд, тяжкие страдания преждевременно состарили ее. Утрачилась ее фантастическая красота. И старики вновь сравнивают девушек с Наташей Граевой:

Ты что-то, девка, приуныла -
Как Натка Граева идешь!..

Но их слова наполнились уже новым содержанием, в них нет безразличия, а есть сочувствие. Наташа Граева возвысилась в их глазах, потому что красота ее уже не существовала сама по себе, а наполнилась иным смыслом. В ней проявились высочайшие духовные качества. Она не ждала, как многие героини лирических стихотворений В. Федорова, сидя на «чемоданах коммунизма», а всей жизнью, потерей своей красоты приблизила день Победы. Казалось бы, поэту можно кончить рассказ о судьбе Наты Граевой. Но она продолжает жить и действовать в его поэме. В этом на помощь ему приходит ис-

кусство, которое обладает удивительной способностью. Правильно сказано: «Образ Наташи Граевой, несмотря на всю его жизненную конкретность, перерастает в поэме в такой же символ прекрасного, как «Венера» Тициана или «Неизвестная» Крамского олицетворяющие вечную красоту искусства»¹.

Так в поэме вырисовывается романтический план, воплощенный в образе Венеры.

Венера – вечная женщина. Символ идеальной женской красоты. Ее образом Федоров пытается увековечить образ женщины земной.

Возможно, что Венера – это продолжение судьбы Наташи, но только в искусстве. Обе они понесли потери во имя «красоты людей живущих» и «людей грядущих». Красота героинь активна. Она не существует сама по себе, а участвует в мировых событиях. Не будь «Венеры» Тициана, не будь таких людей как Наташа Граева, гораздо труднее пришлось бы нам в борьбе с голодом, разрухой, фашизмом.

Но поэт понимает, что красота не может быть утрачена навсегда. Она продолжает жить в людях, в их памяти.

Знаменательно в этом плане встречи поэта со стариком, бывшим хранителем картин, в том числе и проданной за океан «Венеры» Тициана. Этих встреч было две. Первая давно и случайно в вагоне поезда:

Как – то ночью,
В огнях увидев домен ряд,
Похвастал кто-то:
- Между прочим,
Я строил этот комбинат-
Добавил, ус крутнувши лихо,
Что ставил там прокатный стан. (207)

Старику трудно поверить, что судьба этого рабочего, которому, может быть, нет никакого дела до Венеры, как-то связана с ней. Рабочий строил за-

¹ Любовцев Вл. За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих // Молодая гвардия. 1959. №7. С. 226.

вод на средства от проданной Венеры. Поэтому старик восклицает: «Вы и Тициан».

А когда поэт в поисках Венеры ходит по картинным галереям, то вновь встречается с этим стариком:

Теперь старик подвижен, светел.

Узнал и вновь не узнаю.

- Вы вспомнили ее?! –

Ответил:

- Я вспомнил молодость свою. (207)

Старик рад, что люди заинтересовались искусством, но «черточки лица его страдали, кривились», когда он говорил о том, что Венеру продали за океан. Старик знал, что продали ее, потому что «жили небогато». Но расставание с Венерой было для него глубоко личным. И этим личным горем он делится с поэтом, который тоже разделяет его грусть за судьбу Венеры.

Тут же, в картинной галерее поэт встречается с «каким-то полным незнакомцем». Он тоже выражает свой взгляд на красоту. Когда его спрашивают о судьбе Венеры, он отвечает:

-Избаловали!..

Комсомолец,

А то ж – Венеру захотел! (205)

Этот взгляд на красоту не просто тонко подмеченная деталь, а целый этап нашей истории с пережитками и остаточными явлениями предыдущих общественно-экономических формаций.

«Проданная Вера» - поэма во многом романтическая. Только в романтической поэме возможна такая ситуация, когда обе героини смогли встретиться. Федоров здесь использует условный прием – фантастический сон. «Такой прием он использует затем и в поэме «Седьмое небо»¹. В мартеновском цехе завода появляется Венера:

...Походкой легкою Наташи

¹ Выходцев П.С. Новаторство, традиции, мастерство. – М., 1970. С. 111.

Венера русая идет.

Боса, парчой полуприкрыта... (210)

В этой сцене еще один взгляд на красоту выражен молодым рабочим. Он увидел идущую ему навстречу Венеру:

В глазах у парня бес запрыгал,

И не возьму никак я в толк,

С чего он громко загыгыкал:

– Гы, баба!..Голая!.. –

И смолк. (209 – 210)

Он смолк, но почему? Потому что первоначально увидел в Венере только голую бабу. Отсюда его грубоватая, наивная «–Гы, баба!.. Голая!..» Но потом он осмотрелся и понял, что Венера – это красота. Поэтому он смолк и пораженный остался с открытым ртом. Он, может, впервые в жизни понял, что такое красота, и она заставила его задуматься, замолчать.

Важен взгляд на красоту старого мастера – сталевара. Он ведет себя не так, как молодой рабочий, хотя тоже не может тонко выразить свои впечатления. Но он по-другому встречает Венеру.

«Кто такая?» - спрашивает мастер. Не чувствует, что Венера пришла не затем, чтобы смутить молодого рабочего и озадачить его, старого мастера, своим видом. Он догадывается об этом по ее взгляду. Данный момент в поэме – кульминационный.

Венера требует дать ответ, за что ее продали, отдали. И мастер отвечает ей:

Прости нас, дочка...

Все видела, теперь суди.

Бывало бьюсь,

Из кожи лезу

И не допью и не доем.

Мы пропадали без железа

И рабство нам грозило

Всем.
Как строились,
Душой болея,
Ты, вечная нас не поймешь. (211)

В этом ответе старого мастера выражено многое. Здесь и отношение его к строительству новой жизни и его участие в этом строительстве. Здесь и оценка труда народа. В этом отчете Венере старого мастера выражено истинно народное отношение к красоте, которое для Федорова является наивысшим ее критерием. Здесь же в мартеновском цехе мы встречаемся и с Наташей Граевой. Не с той, что была «фантазией и капризом природы», а с той, что прошла все испытания, перенесла все тяготы войны, которая много лет ходит по земле, «как ходят пожилые люди».

Сцена в мартеновском цехе – это сон. А во сне случается порой самое невероятное. В цехе оказались рядом две красоты – вечная и земная. И Наташа тоже требует, чтобы перед ней оправдались так же, как перед вечной, обращаясь уже не к мастеру, а к самому поэту. И автор отвечает:

История от первых дней
Ни перед кем не виновата,
Виновны только перед ней.
Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясения,
И горе одного двора. (212)

Ответ поэта – это страстное слово, обращенное к нам, современникам, к тем, для которых пожертвовала своей красотой Наташа Граева. Это обращение и к тем, кто на словах «за красоту людей живущих, за красоту времен грядущих», но при этом забывает, что «кровь пролита, а не чернила в сражениях за красоту». Страстное обращение как бы соединяет три времени – прошлое, настоящее и будущее.

Поэт выражает уверенность, что прекрасное все больше и больше будет проникать в нашу жизнь, несмотря на трудности, выпавшие нам.

«В поэзии наряду с литературными достоинствами стиха, темой, способом выражения мыслей и чувств привлекает тайна личности самого поэта. Отсюда повышенный интерес к тем произведениям, где поэт выражает себя как мыслящую личность. У Василия Федорова таких произведений много. Но из всего написанного в те годы поэма «Проданная Венера» представляет интерес особый. Именно в ней наиболее полно выражено отношение к тому, что пережило его поколение, поколение, спасшее мир от фашизма, одержавшее величайшую победу в борьбе за дело века – испытание на человечность»¹.

4.2. «Бетховен»

Вторая поэма на тему красоты, которая связана, однако с темой искусства, - «Бетховен» (1961)

Людвиг Ван Бетховен (1770 – 1827) – великий немецкий композитор, совершивший подлинно революционный переворот в музыке, проложивший путь немецкому музыкальному романтизму. На Бетховена сильное влияние оказали идеи Великой Французской революции 1789 года.

На долю Бетховена выпали большие испытания. Но не они, ни прогрессирующая глухота не сломили силу его воли, могучего духа.

Интересна история создание поэмы. В своей заметке «От ошибки к поэме» Василий Федоров пишет, что, когда она появилась в «Огоньке», он стал получать письма, из которых понял: его воспринимают как человека музыкально образованного, во всяком случае, знающего и понимающего музыку. Послушаем поэта: «Разоблачать себя в глазах своих читателей тогда не имело смысла, но теперь, когда речь идет о творчестве, о его двигателях, хочу признаться, что у меня нет даже музыкального слуха»².

¹ Еремин В. На трудных перегонах. – С. 104 – 105.

² Федоров Вас. Наше время такое. О поэзии и поэтах. – М., «Современник», 1973. С. 108.

Тут позволим себе не согласиться с поэтом. Правильнее будет, если скажем, музыкальный слух у него был. Свидетельство – «Лирическая трилогия», вся пропитанная музыкой. Но, возможно, сам поэт об этом еще не догадывался. Такое случается нередко. Да еще надо учесть, что Вас. Федоров был человеком большой скромности.

Но что у него музыкальный слух был, подтверждает и то, что он говорит далее: «Только однажды в детстве на полях мне показалось, что я услышал радостную и счастливую музыку, объявшую все мое существо, проникающую в каждую клеточку моего чуткого тогда сердца. Если бы я смог записать ее, а потом в нужную минуту повторять, я бы до конца своих дней был счастливым человеком. Но теперь от моих воспоминаний о ней осталась одна смутная озвученная солнечность»¹.

«Озвученная солнечность», оставшаяся в сердце поэта, и есть подтверждение того, что слух музыкальный он все – таки имел.

Затем, когда будущий поэт поступил в авиационный техникум и стал членом художественной самодеятельности, его однажды попросили вести литературно – музыкальный вечер. Так он стал конферансье. «Литературная часть вечера проходила сносно, - замечает Вас. Федоров, - а на музыкальной я споткнулся..., мне нужно было представить квартет и объявить музыку. Я громко выкрикнул: - Музыка Бетховэна!

Зал грохнул в смехе, а я, глупо улыбаясь, не понимал, в чем дело. Уже после вечера меня окружили друзья и спросили:

- Васька, ты это для смеха ударение перепутал?

- Конечно! – обрадовался я счастливому оправданию, тогда как чувство стыда проникало в меня все глубже и глубже. С тех пор Бетховен стал как бы «моим», моей виной, которую нельзя было ничем избыть. Все, что касалось его, стало восприниматься как нечто близкое².

Так появился замысел поэмы. Но поэт не мог его воплотить в стих, в

¹ Федоров Вас. Назв. кн. – С. 107.

² Там же. – С. 108.

слово. Ему надо было представить себе этого гения в первичном виде. «Такая счастливая возможность, - продолжает поэт, - мне однажды представилась. –

Будучи в Карловых Варах, я забрел в местный исторический музей и увидел скульптурный портрет Бетховена, созданный его современником. Он был не похож на все его поздние бюсты с характерной гривой волос. Его лицо было плебейски простым и мужественным, как у рыбаков и дровосеков. И тогда все мои эмоции, что вертелись вокруг его имени, получили реальную меру»¹. В результате и родилась прекрасная поэма.

У Василия Федорова Бетховен не только композитор, создающий красоту своей музыкой, но и борец, утверждающий ее в окружающем мире. При этом как самим автором, так и его героем красота понимается широко, как многогранная категория. Поэма начинается стихом «Он счастья ждал...» Тросточие после него словно обрывает, отсекает немалую часть жизни композитора, его прошлую жизнь, которая была, в сущности, подготовкой к счастью. И вот оно пришло. И счастье это – музыка. Первые три строфы – воплощение этого счастья и назначения музыки, как его понимал композитор. При этом семь раз в этих трех строфах находим анафорический повтор «Когда ему дались», композиционно скрепляющий их, определяющий ритм и тональность стиха:

Когда ему дались

Все звуки мира –

От громов гремучих

До лепета листвы;

Когда дались

Таинственные звуки полуночи:

Шуршанья звезд

На пологие небес

И лунный свет,

¹ Там же. – С. 105

Как песня белой пряжи,
Бегущей вниз...

Когда ему дались

Все краски звуков:

Красный цвет набата,

Малиновый распев колоколов,

Далась ручьев

Серебряная радость,

Дались безмолвья

Черная тоска

И бурное кипенье

Преисподней...

Когда ему дались

И подчинились

Все звуки мира

И когда дались

Все краски звуков, -

Молодой и гордый,

Как юный бог,

Стоящий на горе,

Решил он силу их

На зло обрушить. (264)

Из приведенных стихов становится понятно, что подлинное искусство, в данном случае музыка, обладает огромной силой, назначение которой борьба со злом. Укажем, что и зло у поэта выступает как категория широкая, разноликая.

Рассмотренные стихи – первый и главный мотив поэмы.

Второй мотив – это мотив любви. Если в приведенных выше стихах автор сравнил своего героя с юным богом, то теперь он сравнивает его с колдуном. Образ этот удивительно точный по своему содержанию:

Закрылся он,
Подобно колдуну,
Что делает из трав
Настой целебный,
И образ он призвал
Любви своей,
Отдав всю страсть
Высоким заклинаньям.

На зов его,
На тайное – «приди»
С улыбкою,
Застенчивой и милой,
С глазами тихими,
Как вечера,
Вошла Любовь,
Напуганная жизнью. (264)

Дальше поэт свою мысль доводит до логического предела. Его герой видит, что Любовь... печальна и бледна, но чем она казалась печальней и беззащитней, «тем больше сил для битвы в нем рождались».

Так молодой Бетховен вступил, как говорится, «на тропу войны». Теперь уже за Любовь. И «потом от грома, от огня, от ветра, от воды, от сдвигов горных он взял себе такое, перед, чем в невольном страхе люди трепетали». Почему «люди трепетали?» Да потому, что не свободны были, от многих грехов и могучая музыка говорила им об этом и, словно грозила божьей карой.

В творение великого композитора словно вошли все сущностные силы жизни, все, что придавало ей смысл. И только тогда он понял, что достиг желанного:

Когда же это все
Соединилось
И стало тем,
Что музыкой зовется,
Пришли к нему
На гордое служенье
Апостолы
Добра и Красоты. (265)

«Апостолы Добра и Красоты» принесли с собою все, без чего уже Бетховен не мыслил себя: валторны, флейты, скрипки, контрабасы, виолончели, трубы и литавры.

И теперь уже по – настоящему его творение вступило в бой со злом, с жестокостью, с пороками людей «за чистоту, за красоту страстей».

Василий Федоров рисует своего героя, прежде всего как поборника нравственной чистоты, нравственной красоты. Поэт находит удивительное сравнение, передающие именно это свойство его искусства. Он «полоскал их (людей – Л.А.) души, как полощут в потоке чистом старое белье».

И приходила к людям жажда добра, большой и красивой любви. Странное преобразование происходило с ними: «и тянулся каждый за просветлевшею своей душой».

Борьбу за человеческие души герой Василия Федорова вел бескомпромиссно. Это была великая миссия, навечно возложенная им на себя. «Недоброе, пагубное руша, сам при этом не становился грубей»:

Он скидывал
Спасенные им души

И в зал бросал,
Как белых голубей. (267)

Сравнение, использованное здесь, не случайное. Оно передает то, во имя чего композитор жил и творил. Белый цвет – это цвет мира, добра, справедливости, красоты. Бетховену казалось, что мечта его сбылась, что он преодолел мучения силой «своих волшебных чар», победил:

И мир его встречал
Слезами
И восторгом
Очищенья. (267)

Да, музыка – великая сила, она творит чудеса. Гармония волшебных звуков ведет к гармонии человеческие души, которые приводят к единению людей в понимании красоты искусства и жизни.

Композитор тоже в состоянии душевного подъема, ведь он победил в борьбе за Добро и Красоту, за чистоту сердец людей и отношений между ними.

Композитор, совершивший подвиг, считает, что он должен сказать спасибо природе, мирозданию. Его состояние и Красоту, которая открывается ему, автор передает косвенной речью:

Он вышел в ночь
Сказать свое спасибо
Громам,
Ветрам,
Луне золотобокой,
Сказать спасибо
Водам серебристым
И поклониться
Травам и цветам.

Он проходил

И говорил спасибо
Высоким звездам,
Что ему светили,
Косматым соснам,
Рыжим тропкам леса
И перелетным иволгам
В лесу. (267)

Можно сказать, что на этой оптимистической ноте завершается первая часть поэмы.

Вторая ее часть начинается с удара, который наносит композитору зло. Оно оказалось не поверженным, не погибло. Зло, все еще находит способы борьбы. Начало части можно считать кульминацией поэмы. Здесь резко меняется психическое состояние героя: оптимистическое, радостное настроение победителя сменяется противоположным состоянием.

Сюжетно это мотивировано так. На заре, когда композитор возвращался к своей Любви, у городских ворот «с ухмылкой мерзкой Несправедливость встретила его».

Ее обращение к нему не сразу возымело действие.

И тут следует особо выделить повтор дважды выражения «он шел и шел», передающего внутреннее состояние героя, хотя он и не поверил словом Несправедливости. Но они оказались правдой:

- Ты зло хотел убить, -
Она сказала. –
Убей свою любимую сначала.
Любовь тебе, великий,
Изменила,
Тебя
Пустому сердцу предпочла.

Он был упрям

И сразу не поверил,
Все шел и шел.
Гонимый той же страстью,
Все шел и шел,
Пока лицо Измены
Не подступило вдруг
К его лицу. (268)

Последующие стихи душевное состояние композитора переводят в следующую ступень, более высокую, более сопряженную с болью:

Бетховен вздрогнул
И остановился,
Закрыв глаза
От горя и обиды
И, голову клоня
Перед судьбою,
Взревел,
Как бык,
Ударенный бичом. (268)

Опять использовано поэтом сравнение, предельно точно передающее состояние героя («как бык, ударенный бичом»).

Автор говорит, что нанесенное композитору горе оказалось настолько сильно, что оно рассекло его лоб кривою складкой.

И во второй части Бетховен остается, однако борцом. Она по структуре строится так же, как и первая. Убитый горем герой «восстал из праха», «тряхнул своей бетховенскою гривой, сжал от гнева побелевшие губы». Так начинается новый этап его борьбы со злом.

Выражая заветные мысли композитора, Василий Федоров с целью еще большего эмоционального воздействия прибегает к прямой речи, в которой повторяется основная мысль первой части и герой заявляет, что допустил

ошибку:

-Ты сгинешь, зло, -
Грозил ему Бетховен,
А вместе с ним
Грозил и всем порокам, -
Вы все – таки погибнете,
Пороки,
Умрете, -
Он сказал, -
В утробе зла!

Постыдные,
Сегодня вы живете
Лишь только потому,
Что я ошибся,
Лишь только потому,
Что в нетерпенье
Не соразмерил
Голоса стихий. (269)

Продолжая свою речь борца, композитор поясняет, в чем была его
ошибка:

Людское зло
Я изгонял громами,
Людской порок
Я изгонял огнями,
Не догадавшись вовремя,
Что ими
И без того
Уже разбужен страх.

На этот раз
Начну совсем иначе,
Возьму в расчет
Совсем иные силы.
Я поступал
Как гневный небожитель,
А поступлю
Как скорбный человек.

На этот раз
Из всех звучаний мира
Все нежное
Возьму себе в подмогу,
И то,
Чего не сделал
Страхом кары,
Свершу любовью я
И красотой. (270)

Здесь невольно вспоминается Ф.М. Достоевский, который считал, что красота спасет мир.

Параллели и отличия двух частей дают себя знать и дальше. Вот характерный пример:

Закрылся он,
Подобно колдуну,
Что делает из трав
Настой целебный,
Призвал на помощь
Горести свои,
Чтоб силу дать
Страстям исповедальным. (270)

Прежде тоже композитор закрывался, подобно колдуну, но тогда он призывал «образ... Любви своей». И за это расплатился. Теперь, как видим, себе на помощь Бетховен зовет в качестве целительной силы «горести свои». И не ошибается.

Композиция поэмы отличается стройностью.

Первая и вторая условные части, одинаковые по структуре, по содержанию являют противоположные начала. В первой части, напомним, молодой композитор брал все «от грома, огня, ветра, воды, от сдвигов горных». И от всего этого в невольном страхе люди трепетали:

Теперь он взял
От всех земных красот:
От птиц,
От зорь,
От всех цветов,
От речек –
Все чистое,
Все доброе, чему
В любви притворной
Люди поклонялись. (271)

Обратим теперь внимание на авторское понимание поэмы: «... когда Бетховен писал симфонии, он должен был верить во всемогущество своей музыки. Ему казалось, что, услышав его музыку, человечество преобразится, избавится от пороков, от эгоизма и зла, от мелочности и суетности, но музыка его звучала, а в мире по – прежнему совершалось зло, люди по – прежнему погрязали в пороках и мелочах. Это беспомощность не могла не потрясти Бетховена, но великий художник снова брался за труд, веря в совершенство, к которому стремился. И снова его ждал тот же печальный результат. И все – таки всякий раз, когда звучала его новая музыка, человечество делало неприметный для себя шаг к прекрасному»¹. Именно в этом

¹ Федоров Вас. Назв. кн. – С. 110.

плане Бетховен стал победителем.

Великая музыка идет от величия природы. И чтобы подтвердить это, утвердить органичность творений Бетховена, поэт опять – таки находит точные и красивые сравнения:

Все это взял он,
Как пчела нектар,
Как листья свет,
Как темный корень влагу.
Все это взял он
И соединил
Своей неутоленной
Печалью. (271)

И наступила пора, когда композитор в своем искусстве стал действовать как ученный, как исследователь. Вначале он занялся синтезом, затем наступило время анализа и затем опять синтеза. Бетховен следует природе, которая едина и вместе с тем является в самых разных ликах:

Еще разъял –
И с нотного листа
Глядели знаки
Красоты дробимой.
Так нужно было,
Ибо красота
Лишь в чистом сердце
Станет неделимой. (271)

И снова мы встречаем повтор, но уже как прямую речь, которую произносит композитор. Так вторая часть выступает вариацией первой, продол-

жением борьбы героя со злом:

- Да сгинет зло! –
Сказал себе Бетховен,
В зал поглядел
И пригрозил порокам:
- Вы все – таки погибнете,
Пороки,
Умрете вы
В самой утробе зла! (272)

И вновь, покорны мастеру, речь новели скрипки, виолончели, валторны, трубы. Они указывали путь и вели «в тревожный мир исканий человечьих, в той новый мир, где не бывает лжи». Это был путь к идеалу:

И юных повели
И поседелых,
И павших всех,
И не успевших пасть –
За самые далекие пределы,
Где злое все
Утрачивает власть.

Они вели
К той милой,
Чистой,
Гордой,
К Возлюбленной,
Чье имя Красота. (272)

И люди отреклись от прошлой жизни, «порочной и корыстной». Прием

обыгрывания мысли, но уже с новым значением, варьирование уже сказанного, но с обратным знаком – этот прием композиции продолжает оставаться и во второй части, и во всей поэме основным.

Так, в первой части композитор «вышел в ночь из городских ворот», и «мир его встречал слезами и восторгом очищенья». И теперь он тоже выходит в ночь, «поклонившись новообращенным», тем, кто ушел от лживой жизни. И опять мы имеем переключку, но не точный повтор, и то, что в первой части было передано косвенной речью, теперь дается словом от автора и прямой речью:

Он вышел в ночь
Сказать свое спасибо
Лесам,
Полям,
Создавшим человека
И потому
Со дня его рожденья
Имеющим над ним
Большую власть.

- Я победил! –
Торжествовал Бетховен. –
Я победил! –
В порыве благодарном
Упал на травы он,
Раскинул руки
И прошептал земле:
- Благодарю! (273–274)

Не случайно земле композитор сказал «благодарю!» Это она наделила его великим даром, научила различать добро и зло, ложь и правду, справед-

ливость и несправедливость, красоту и уродство. Боролся герой, боролся и боролся, устали не зная, не зная пощады к пороку и злу. И вдруг лишился слуха, без чего музыкант невозможен, не может творить. Эмоциональное состояние композитора словно передается читателю благодаря авторской ремарке, в которой пять раз повторяется сочетание со словом «молчать», и словами самого героя:

Земля молчала,
И молчали птицы,
Леса молчали,
И молчали реки.
- Что вы молчите?!
Закричал Бетховен
И не услышал
Крика своего. (274)

Драма человека, для которого искусство было все, раскрыта здесь с потрясающей силой. В огромном мире он остался один. До этого времени он не был одиноким, была любимая, но ушла, были друзья, тоже оставили его. Теперь от него отеклась и природа. Как будто зло восторжествовало над ним. Оно опять выходит ему навстречу:

Когда он шел
Дорогою безмолвья,
Его опять
На перекрестке жизни
Уже беззвучным смехом
Повстречало
Убитое
И проклятое зло.

Бетховен побледнел,

Остановился,
Нахмурил лоб
Под гривой богоборца,
С глубин души
Призвал для битвы звуки –
И тайным слухом
Он услышал их.

И победил
Сраженный победитель.
В борьбе со злом
Постиг он все законы.
Зло изощрялось
В хитрости,
В коварстве –
В искусстве добром
Изощрялся он. (275)

Как становится ясно из приведенной цитаты, Бетховен не сдался. Гений его оказался сильнее козней зла. И это потому, что он изощрялся «в искусстве добром», несущем в мир Любовь и Красоту, что обеспечило ему бессмертие. Автор нашел простое и логичное завершение поэмы. Он повторил с небольшими, но существенными изменениями, строфу, которой завершалась первая ее часть:

И лоб его,
Отмеченный скорбями,
Еще не раз
Пересекали складки,
Что перешли потом
На белый мрамор
И сохранились в камне

Давая общую оценку поэме, И. Денисова справедливо заметила: «Высокая миссия художника раскрывается в трагедийном характере Бетховена. В маленькой, но весьма емкой по замыслу и проблематике, по напряженному драматизму поэме вырастает поистине исполинский образ гения, красота и трагедия которого в неиссякаемой жажде справедливости и в силе творить ее неустанно, вопреки всей подлости, накопленной веками рабства»¹.

И наконец отметим: идейно – композиционное единство, поразительную целостность поэмы, связь сочетаний и фраз в ней, льющихся, как музыка, с нарастающими, настигающими друг друга мелодиями. Поэт Евгений Винокуров верно подметил: «Наряду со смыслом очень важно в поэзии второе начало – музыка. Излишне напоминать, насколько это начало необходимо в стихах, - без него не может быть поэзии. Однако оно все же только компонент, только необходимый, но все же не главный момент в стихах. Гоголь писал: «Благозвучие не такое пустое дело, как думают те, которые незнакомы с поэзией». Ритмы, само движение стиха, совокупность интонаций, аллитерационная энергия, паузы и инверсии – это та «магия», которая действует завораживающе и очаровывающе на читателя. Мощное, полифоническое звучание стиха, как органная музыка, потрясает, внушает настроение, без которого стихи даже наделенные глубокой мыслью, не произведут должного впечатления. Ритм, музыка – все имеет огромное влияние на отдельных людей и даже на общество².

Поэма Василия Федорова «Бетховен» самое веское этому подтверждение. В год завершения Василием Федоровым поэмы «Бетховен» появилась и его книга «Лицо века», в которую вошли стихотворения 1960-1961 годов. Одно из стихотворений в этой книге называется «Руки Шопена».

Шопен (1810-1849) тоже был великим мастером музыки. Им созданы свои неповторимые танцы – мазурки, полонезы, вальсы. Он обогатил не

¹ Денисова И.В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Федорова. – М., «Современник», 1978. С. 50.

² Винокуров Евг. Избранные произведения. В двух томах. – М., «Худож. лит-ра», 1976. Т 2, С. 329.

только польскую, но поднял на ступень выше и мировую музыку, сотворив в ней свою область.

Конечно, и Шопен своей музыкой творил красоту. Но здесь для нас важно другое: поэт в маленьком стихотворении обнаружил его близость Бетховену в плане драматичности судьбы.

Приводим это стихотворение:

Чуткие руки,
Бывало, взлетят,
Вскинутся с легкостью птичьей –
Мнится, два кречета рядом парят
Над присмирившей добычей.
Миг –
И на клавиши,
Точно на луг,
Мчится за кречетом кречет...
Миг –
И стремительно пойманный звук
Плачет в тоске
И трепещет...

Так ему жить
И терзаться в веках.
Это в мучениях плена
Сетует горько
В его же руках
Скорбное сердце Шопена¹.

О великих композиторах произведения есть и у других выдающихся советских поэтов. Так, например, Н. Заболоцкий еще в 1946 году написал стихотворение «Бетховен».

¹ Федоров Вас. Собр. соч. В трех томах. – Т. 1. С. 299.

Проблема творчества волновала и Заболоцкого. Многие его стихи воссоздают самый процесс творчества – пробуждение вдохновения, зарождение подсознательного замысла и торжества мысли в завершённом произведении искусства. В «Бетховене» мысль творца возникает «перед лицом пространства мирового», становится музыкой. Художник, «прикоснувшийся» «к музыке миров», превращает самую стихию в гармонию, которая выражает прелесть мира, отделяет «добро его от зла».

Родственность стихотворения Н. Заболоцкого поэме В. Федорова несомненна. У Заболоцкого тот же пафос, что и в поэме его младшего собрата по перу. Подтвердим это процитировав стихотворение:

В тот самый день, когда твои созвучья
Преодолели сложный мир труда,
Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча,
Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда.

И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.

Дубравой труб и озером мелодий
Ты превозмог нестройный ураган,
И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.

И пред лицом пространства мирового
Такою мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.

В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд прошел девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!¹

Другой выдающийся советский поэт Николай Ушаков уже после появления поэмы Вас. Федорова, в 1967 году, написал стихотворение «Иоганн Себастьян Бах». Прочитируем отрывок из него:

Мне дорог Бах...
Ну, как бы вам сказать,
Не то, что нынче музыки не стало,
Но вот такого чистого кристалла
Еще нам не являла благодать.
Какое равновесие страстей,
Какая всеобъемлющая совесть,
Какая удивительная повесть
О брошенной
В века
Душе моей².

И здесь, как нетрудно заметить, возникает образ высочайшей гармонии, в создании которой участвуют музыка, совесть, душа, и образ огромного духовного пространства, - всеохватного, уравновешенного, протяженного в

¹ Заболоцкий Н. Собр. соч. В трех томах. – М., 1983. Т. 1., С. 198.

² Ушаков Н. Стихотворения. – М., 1981. С. 55.

века. И становится ясно, что в понимании назначения искусства как силы, утверждающей красоту, поэты перекликаются.

Глава пятая

«Седьмое небо» как синтез поэзии Вас. Федорова.

5.1. История создания и композиция

«Седьмое небо» - самое крупное произведение Василия Федорова. Поэт работал над ним около восьми лет /1959-1967/. Поэма эта стала значительным явлением советской литературы.

В русской поэзии уже имелись широко – масштабные поэтические произведения, о которых положительно отзывалась критика. Это, прежде всего книга поэм В. Луговского «Середина века» и «За далью даль» А. Твардовского. Они были справедливо названы большими лирическими формами¹. Василий Федоров продолжает эту традицию. Но его поэма лиро-эпическая, однако, больше тяготеет к эпосу.

«Федоров назвал свою поэму романической, но, тем не менее, открыл все шлюзы для лирических высказываний, - пишет Ал. Михайлов. – Биографичность лирического героя здесь гораздо более очевидна, чем в поэме Твардовского («За далью даль – Л.А.») Романическим сюжетом он, естественно, несколько ограничил сферу проявления характера и обзора жизни. Выходы за пределы романической истории не всегда сопрягаются с главной сюжетной линией. Лирические связки, отступления порою удачно восполняют пробелы сюжета, вносят свежее ощущение времени, а порою опресняют поэму многословным комментаторством («эпилог прощаний», например, в некоторой части явно восполняет пробелы сюжета произведения)»².

С этим утверждением известного в свое время критика согласиться в полной мере нельзя. Он все-таки своеобразие поэмы Василия Федорова упустил из виду.

То, что поэт назвал свою поэму романической – не случайность.

¹ Гусев В. В середине века. – М., Сов. пис., 1967. С. 217.

² Михайлов Ал. Поэты и поэзия. – М., «Просвещение», 1978. С.69.

Она отличается многоплановостью охвата жизненных явлений. Сюжетную основу ее составляет история жизни рядового человека Василия Горина. Но в этой единичной, частной истории отразилась история нашего общества, нашей страны, начиная с 30-х годов XX века. Поэма в известной мере автобиографична. Однако факты собственной жизни поэта, переосмысленные и дополненные его творческой фантазией, приобрели здесь типичное звучание. Показательно в этом отношении свидетельство самого Василия Федорова:

«У меня была моя жизнь, послужившая исходным материалом для многих поэм. Вороша свою память, я составлял истории. Одна такая история существовала в виде романтической туманности, как история о молодом человеке, о работе его на авиазаводе и о первой и настоящей любви:

«Пишу
Лицо к бумаге клонится...
...непоправимое встает».

Прочитав эти строчки, я ломал голову: что это такое? И закончить для стиха не просто. Надо рассказать, что же это за «непоправимое». И вскоре меня осенило, что стихи эти выскочили из романтической истории, которой я много лет занимался. А общий замысел возник из всей моей жизни, в том числе и поэтического опыта. Всю сознательную жизнь я шел к ней. А так как я художник, то не мог не затронуть вопросов и проблем, волновавших меня и все наше общество. И если говорить о документальности вещи, о том, что связано с героем Василием Гориним, то соотношение правды и вымысла такое же как в имени и фамилии. Василий – это я, а Горин из фантазии. Таким образом, замысел поэмы возник из желания показать две слагаемые и взаимообусловленные величины: из моей жизни и логики»¹. Сказанное поэтом, как видим, проясняет и тему произведения. В «истории молодого человека» большое место отведено любви. Но, считаем нужным сразу же заметить, что тема любви к женщине в поэме по мере развития действия все более и более

¹ Федоров Вас. Собр. соч. в трех томах. М., 1976. Т. 3. С. 610.

отодвигается на второй план, и на переднем плане оказываются «вопросы и проблемы, волновавшие... все наше общество». Такова одна композиционная особенность «Седьмого неба».

Другая важная особенность общей композиции поэмы указана самим автором: «Меня не удовлетворяли поэмы в три-четыре тысячи строк с одним сквозным сюжетом, чаще всего обозначенным слабо уже в силу этого, от чего связь частей тоже невольно расслабляется. Для «Седьмого неба» я решил воспользоваться опытом в написании своих объемно небольших поэм с таким расчетом, чтобы каждая глава имела свой внутренний сюжет, свой замысел, который бы естественно входил в общий сюжет и замысел»¹.

Открывается «Седьмое небо» вступлением под названием «Вместо эпиграфа». Оно позволяет судить о пафосе поэмы:

Моя душа и небо -
Мы родня,
Но то Седьмое,
Что звало к полету,
Как ни взлетал,
Подобно горизонту,
Все время
Отходило от меня.
Небесную
Познал я благодать
И потому,
Хоть не достиг Седьмого,
Не страшно было
Крылья мне ломать,
Залечивать
И подниматься снова! (288–289)

¹ Федоров Вас. Указ. Т. – С. 611.

Приведенные стихи интересны по двум моментам. Первый. Поэт учился в авиатехникуме, ходил в аэроклуб, летал, работал на авиазаводе, строил самолеты. Поэтому и становятся понятны слова: «моя душа и небо - мы родня». Второй. За конкретным фактом биографии возникает другой план: человек по природе своей романтик. Ему свойственно неумиряющее стремление познавать непознанное, открывать неоткрытое, приближать свой идеал. На этом пути и потери, и поражения оказываются равнозначными победе.

Стихи, поставленные поэтом «Вместо эпитафии» свидетельствуют о том, что он по своему видению мира, по творческому пафосу близок М. Светлову. И здесь небезынтересно вспомнить одно из замечательных стихотворений М. Светлова «Горизонт».

Цитируем несколько строк:

Там, где небо встретилось с землей,
Горизонт родился молодой.
Я бегу, желанием гоним.
Горизонт отходит. Я за ним.

Вот он за горой, а вот за морем...
Ладно, ладно, мы еще поспорим!

Я в погоне этой не устану,
Мне здоровья своего не жаль,
Будь я проклят, если не достану
Эти убегающую даль!

Мы – мои товарищи и я -
Открываем новые края¹.

¹ Светлов М. Стихотворения. – Л., 1968. С. 282

Из приведенных стихов становится ясно, что у Светлова «Горизонт» имеет такое же значение, какое у Вас. Федорова «Седьмое небо».

5.2. Образы: треугольник – Василий, Марьяна, Борис.

То, что во вступлении поэтом было сформулировано общо, в первой главе / «Первая высота» / получает уже свое конкретное воплощение.

Обратимся к ее содержанию.

Центральный персонаж, Василий Горин, мысленно ищет «затерявшийся пятак». Казалось бы, это сущий пустяк, незначительная мелочь. Но все содержание и первой главы, и поэмы в целом утверждает, что мелочей в жизни не бывает. Кажущаяся «мелочь» рано или поздно заново напоминает о себе. И тогда уже становится, очевидно, чем чревато было это «малое»:

«Такая малость! -

Скажут с жалостью. -

И пусть его недостает!»

Да, малость ...

Но за этой малостью

Непоправимое встает. (290)

Что это за «непоправимое» становится понятно из дальнейшего рассказа Василия Горина о его юношеской любви, которая для него стала великим испытанием, но в которой наиболее ярко раскрылись его человеческая суть, нравственный облик, идеал.

Кроме Василия Горина в этой главе в качестве действующих лиц выступают Борис и Марьяна.

Борис и Василий – друзья. Но они противостоят друг другу во всем: по характеру, жизненным принципам, поведению. Это противостояние постепенно усиливается. Только в главе «Смертная высь» – противостояние Василия Горина и Бориса автором снимается. Но об этом разговор впереди.

Василий Горин и Борис были влюблены в одну девушку, Марьяну. Ситуация обычная. Но мастерство поэта проявилось в том, что это «обычное», он повернул к нам новой стороной, наполнил большим смыслом.

Узнав «тайну» своего друга, Василий решает не мешать ему:

За право друга исповедовать
Я отдал на любовь права. (292)

У него свое понимание вещей, своя, можно сказать, философия:

Кто давней дружбою поступится,
Тот и любовь не пощадит. (294)

Добровольное отступление от любви во имя дружбы - явилось неправимой ошибкой Василия Горина. Эта ошибка вновь и вновь напоминает ему о себе как жестокая расплата.

Горин-романтик по натуре. Он весь увлечен высокими помыслами. В этом и сила и слабость его. Не случайно он говорит о себе:

Моей бедой,
Моей отрадою
И даже смыслом бытия,
Моей единственной наградою
Была возвышенность моя. (294)

К. Маркс говорил, что «человек творит мир и по законам красоты». Горин такой человек в полном смысле слова. У него своя жизненная программа:

В огромный,
До конца не познанный,
Страстями полный до краев,
Хочу я в мир, не мною созданный,
Внести красивое,
Свое. (295)

В данном случае мы вправе поставить знак равенства между автором и его героем. Словами Василия Горина поэт выразил и свою творческую позицию.

Горина характеризуют его же слова:

Любил я чувства приукрашивать,
Да и теперь еще люблю. (295)

Это наиболее ярко сказывается в его отношении к Марьяне.

Само имя любимой – Марьяна – не случайно. Марьевка – родина поэта. Есть в этом сходстве названия деревни и имени девушки свой смысл: красота родных мест как бы отразилась во всем облике Марьяны. Горин назвал ее Аэлитой. Внешним поводом для этого послужили фантастические картины с изображением марсиан. А если вникнуть в суть дела глубже, станет ясно: в этом факте сказалась «возвышенность» Василия, его стремление «приукрашивать». Марьяна для него создание идеальное, он весь поглощен ею. Чувство любви словно распирает ему грудь. Влюбленными глазами он следит за полетом Марьяны. Вот как передано его состояние:

И сердце билось вулканически
С такую страстью новичка,
Что где-нибудь
Прибор сейсмический
Должно быть, прыгал от толчка. (298)

Эти стихи невольно заставляют вспомнить поэму Маяковского «Проза», где тоже предельно гиперболизировано эмоциональное состояние лирического героя.

«Возвышенность» Василия Горина, его большая любовь к Марьяне отчетливо проявляется во время их совместного полета.

Он вдохновенно пилотировал:

Машина высилась
И высилась,
И ветер терся о бока,

Уже седьмое небо близилось,
Уже редели облака. (301)

Слова «Седьмое небо близилось» важны своим подтекстом: Горину казалось, что он близок к счастью любви, о котором мечтал. И он легко делал фигуры высшего пилотажа. Но случилась авария. Самолет рухнул на землю. В бреду Горину кажется, что он упал не на землю, а на звезду, что он несет Марьяну на руках и просит звездных людей спасти ее. Однако вместо звездного человека явился Борис, и на вопрос Горина: «Марьяна! Где ты?» ... - ответил: «Она со мною ... на земле...»

Так, стремление взять первую высоту в учебе, в жизни и в любви завершилось для Горина драматически. Между ним и Марьяною снова встал Борис:

Коса стальная с камнем встретилась
И с маху высекла беду.
И снова мне Марьяна бредила,
И виделась звезда в бреду.
Я звал –
И слышала Земля:
- Марьяна! ...
Где ты? ...
Где? ...
Высокая любовь моя
Осталась на звезде. (305)

Поражение, неудача на пути к первой высоте не выбили Василия Горина из колеи.

Судьба главного героя «Седьмого неба» крепко связана с судьбой России, с ее могучей поступью, со стремительным движением времени, века. Поэт включает частную судьбу своего героя в общий поток истории. Частное, можно сказать, даже определяется этим общим:

Летел

Через года тридцатые
Стремительный моторный век.
И захотела стать крылатою
Страна саней,
Страна телег.

Слова
«По-чкаловски»,
«По-громовски»
Уже слетали с наших губ,
Когда с путевкою райкомовской
Явились мы в аэроклуб. (295)

В приведенных стихах скрыта важная параллель, которая будет разворачиваться на протяжении всей поэмы: в устремленности Василия Горина вперед, в его романтических порывах и мечтах мы вправе видеть характер самой эпохи, устремленность Родины в грядущее. С другой стороны, стремительное движение самой страны в завтра определяет «возвышенность» Горина.

Как мы уже видели, поэма «Седьмое небо» начинается с романтической любви Василия Горина. Но тема любви интересует Федорова не сама по себе. Она позволяет ему решать серьезные вопросы нравственного, социального порядка. И в этом плане мы вправе утверждать, что поэт продолжает и развивает дальше традиции решения любовной темы В. Маяковским. Здесь небезынтересно вспомнить мысль А. С. Бушмена о преемственности в литературе. Он пишет: «В исследовании проблемы литературной преемственности основная трудность заключается именно в том, чтобы найти у сравниваемых писателей, иногда во многом очень различных, родственные объекты или аспекты изображения, сходные моменты эстетического отношения к действительности. Метод установления генетической связи последователя с предшественником на основе внешнего сходства в слоге, в образах, в компо-

зиции сводит сложную проблему творческого взаимоотношения писателей к подражанию и не дает возможности провести грань между эпигонством и подлинно творческой учебой»¹.

Справедливая мысль! Василий Федоров по своему творческому почерку совершенно иной поэт, чем Маяковский. Но пафос творчества великого поэта, страстное утверждение им красоты человеческих отношений, высокой нравственности, идеала человека новой эпохи – все это оказалось близким Федорову. Не случайно он утверждает: «...поэзия – поиск прекрасного»². Не случайно он же говорит: «Маяковский защищает ее / красоту – Л. А./от буржуазной распущенности», «всю жизнь отдал ... утверждению высоких идеалов»³. Из сказанного понятно: традиция Маяковского сказалась в пафосе творчества Федорова, в его этических и эстетических исканиях. Это один аспект использования Федоровым традиции. О другом аспекте у нас еще будет речь.

Вторая глава «Седьмого неба» называется «Чужая жизнь». Марьяна уже жена Бориса. Он, она и Горин вместе едут работать на авиазавод. Василий Горин размышляет над своим новым положением:

Себе и людям на потребу
Мы крылья ехали ковать.
Я думал: «С кем мне штурмовать
Коварное Седьмое небо?» (306)

Становится ясно, что от мысли «штурмовать Седьмое небо» он не отказался. Но ему не хватает друга, не хватает Марьяны. Василий сознает, какую непростительную ошибку допустил. Сказанное им по этому поводу приобретает философское звучание:

Теперь,
Когда пришла утрата,
Я понял, живши в простоте,

¹ Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. – Л., 1975. С. 99-100.

² Федоров Вас. Собр. соч. в трех томах. – 1976. Т. 3. С. 35.

³ Там же. – С. 359

Что платим мы земною платой
За тяготенья к высоте. (307)

Скоро Борис получил комнату, пригласил на новоселье Горина. И здесь ему впервые открывается подлинная суть Бориса, который еще в поезде всячески старался подчеркнуть перед ним свое отношение к жене:

Легко и лестно
Жестом, взглядом,
Самодовольства не тая,
Когда и надо, и не надо
Вывешивать ярлык «Моя!» (309)

Получивший комнату, Борис прежде всего думает о том, как обставить ее:

Там шифоньер –
А здесь картина ...
Сюда, чтоб веселей жилось,
Куплю Марьяне пианино ... (312)

С пианино все и началось. Марьяна, очевидно, поняла, что Борис не тот, за кого она его приняла. Василий Горин это чувствует:

Смирившейся,
Полуручной,
Я заглянул в глаза Марьяны:
В них, как над заводью ночной,
Стояли низкие туманы.
Так птица, раненная в лет,
С повадками, расставшись дикими,
Все помнит прошлое,
Все ждет,
Что стая снова позовет
Ее заоблачными криками. (313)

Автор с большим искусством рисует как в Борисе все больше и больше начинает проявляться собственник, мещанин. В свое время А.М. Горький говорил: «Мещанство – проклятие мира; оно пожирает личность изнутри, как червь опустошает плод; мещанство – чертополох, в шелесте его злом и непрерывном неслышно угасает звон мощных колоколов красоты и бодрой правды жизни»¹.

Борис духовно нищает. Двумя деталями поэт просвечивает его как бы насквозь:

В пространстве,
Избранном давно,
Рельефилось резбою фриза
По выражению Бориса,
Не пианино – пиано.
Торжественно и гордо глядя,
Хозяин дома горячо
Покупку гладкую погладил,
Потом Марьянино плечо. (313 – 314)

Для характеристики Бориса автор использует и другой интересный прием. Марьяна играет на пианино Бетховена, Моцарта. В этой музыке порыв к красоте, к возвышенному. Но поэт дает понять, что внутренний мир Бориса и музыка – резко контрастируют.

Великие творцы музыки тоже были борцами против мещанства:

Бетховен,
Моцарт вновь сошлись ...
Нет, не по воле вдохновенья –
Они товарищу дались
Ценой его грехопаденья.
И знай,
Что путь к нему греховен,

¹ Горький А.М. О литературе. – М., 1961. С. 389

Пытавший гордостью судьбу,
Непримиримый Ван Бетховен
Разбунтовался бы в гробу.
И знай,
Что путь к нему – паденье,
Причина горьких женских слез,
Сам Моцарт бы свои творенья
В могилу скорбную унес. (314)

Следует отметить, что Василий Федоров продолжает традиции Маяковского не только в утверждении человека высокой нравственной красоты, морального совершенства, но и в отрицании мещанства как мерзостного явления.

Чем дальше, тем больше выявляется разница между двумя бывшими друзьями.

Если Василий по – прежнему остался верен своим высоким помыслам, то Борис стал исповедовать сугубо «земные» принципы. Его девизом стало:

Побольше чин!
Деньга по чину! (315)

Василий, видевший, как после женитьбы, особенно после покупки пианино Борис резко переменился, замечает:

С тех пор
Корыстный сын земли
Стал измерять дела людские
Так, будто прессы заводские
Чеканили ему рубли. (316)

По точной характеристике Горина, Борис «обтекаемый, как самолет». И, словно обобщая свои мысли о Борисе, он делает вывод:

В нем сплав ...
Он, помню, был послушен,
Но и в коварстве многолик.

Его изменчивую душу
Я прежде собственной постиг. (317)

Горин и Борис становятся друг другу чужими. Духовно чужд, оказывается Борис и Марьяне. Марьяна тоже – натура возвышенная, она во всем родственна Горину, любит его, признается ему в любви. Но от Бориса не уходит. На вопрос Василия, почему, она отвечает:

Страшны не перемены.
За Борю чувствую вину:
У жизни он чужой в плену...
Кто выведет его из плена? (322)

Так выясняется, что для Марьяны борьба за спасение Бориса – стала очень серьезной задачей. Это одно из проявлений ее устремленности к прекрасному, возвышенному. Но Василий Горин, как он сам замечает, потеряв Марьяну, не во всем остается эталоном высшей нравственности. Он допустил одну ошибку, не попытавшись отстоять Марьяну. Вторая его большая ошибка – то, что он решил ей отомстить:

Страшно покинутых страданье,
Когда оно плодит собой
То жалких,
Ждущих подаянья,
То злых,
Готовых на разбой.
И сам я в жизни рикошетил
И сеял зло,
Марьяне мстя,
Пока в несчастьи не встретил
Еще несчастнее себя. (324)

Эта более несчастная была Дина, с которой свела Василия судьба. Ему казалось, что он полюбил ее, что с прошлым покончено, что началась новая полоса в его жизни. Но это было заблуждением:

Мы говорим:
Любовь.
Страданье.
Тревожные во всех концах,
Сил мировые колебанья
На наших скажутся сердцах.
В любой любви,
Как непреложное,
Как боль отдачи при стрельбе,
Все скажется,
И наше прошлое
Еще заявит о себе. (330–331)

Василий Горин и Дина создали семью. Через шесть месяцев они пригласили к себе друзей. Веселье было в разгаре. Но в это время кто-то впустил к ним щенка. Его дружно окрестили Додоном.

Смеялись гости,
Дина тоже, и нужно ж было ей спросить:
Скажи, Додонушка, кого же
Мне за тебя благодарить? (333)

Василий знал, что щенок «ответное благословенье» Марьяны на любовь к другой. Он рассказал Дине о былом, о возвышенной любви к Марьяне. Дина ответила: «не жалея...» С этого дня она переменилась. Так поэт подводит нас к более важной нравственной проблеме. Любовь – это великая сила. Но она неизменно должна идти об руку с «правдой». Правда – это исповедь влюбленного человека, которая касается всей его жизни вплоть до мелочей:

Любовь!
Горят ее костры,
Мудреют люди в добром свете.
Любовь и Правда –

-Две сестры,
Идущие через столетия,
Две песни счастья и добра,
Всегда звучащие призывно.
Одна беспечна и наивна,
Другая сдержанно мудра.
В наградах первой мало проку,
Без одобрения второй. (334 – 335)

Вина Василия перед Диной заключалась в том, что он до поры скрывал от нее правду о своей любви к Марьяне. И вполне естественно, что Дина от него ушла. Она оставила на прощание письмо, в котором заключен большой смысл:

Есть сон любви,
Есть пробужденье.
Мне стало стыдно, дорогой,
Все время быть на иждивении
Твоей большой любви
К другой.
Мы жили,
Как на даче дачники:
Еще тепло –
И можно жить.
Из неудач
Двух неудачников
Большого счастья
Не сложить (338)

На один момент этого письма следует обратить особое внимание. Когда Горин открылся Дине, она поняла, что такое «Большая любовь», и в этом смысле разбогатела. У нее с Василием был только «сон любви», а когда пришло любви «пробуждение», оказалось, что вместе им жить уже невозможно.

Уход Дины – больно ударило по самолюбию Горина. Но вывод из этого он делает правильный. Ему в высшей степени свойственно умение трезво анализировать свои действия, поступки. Сказанное им о себе имеет широкого адресата:

Душа – скворечник.
Сходство грубое,
И все ж сравню их, нагрубив:
Где нет скворцов,
Там воробьи,
Где нет любви,
Там самолюбие. (340)

Однако урок, поданный Диной Василию Горину, ему впрок не пошел. Его «падение» продолжается. Он словно погасил в своей душе тот светильник, который всегда освещал ему дорогу, пошел по ложной колее, и вот каким оказался финал:

Не в поисках любви да истины,
А чтобы снять усмешки с лиц,
Я душу легким пухом выстелил
Для этих самых
Серых птиц.
Устал чужим себя раздаривать,
Забыл мечтать о высоте. (340)

Но невзгоды, личные беды, неурядицы не в такой мере властны над ним, чтобы Василий Горин забылся, замкнулся в самом себе. Он продолжает жить жизнью своей эпохи, жизнью планеты в целом. И в этом первостепенную роль играет завод, коллектив, общее дело. Именно здесь он чувствует свою ответственность перед временем, человечеством. Так поэт перекидывает мост от частной истории к явлениям мирового порядка, усиливая эпическое звучание произведения:

Здесь оборонный,

Здесь нешуточный,
Здесь будто мир уже горит,
Неумолимый график суточный
Над всеми смертными царит.
Здесь будто мир уже взрывается,
Тебя заботит вся земля,
Здесь в сторону отодвигается
Невзгода личная твоя. (342)

5.3. Идеал красоты

В сюжетном развитии поэмы огромный интерес представляет глава «Земля и Вега», где поэт блестяще использует условность, фантастику. Во сне Горин оказывается на звезде Вега. С высоты, окинув взглядом родную планету, он выражает свое беспокойство за нее, тревогу за ее будущее.

На Веге Василия обвиняют, судят вегейцы, судят «чистотой и красотой». Такого суда на Земле не знают. Противопоставлением Земли и Веги автор выражает свой идеал, свое понимание нравственной красоты человека, его морального совершенства. За что же расплачивается Василий Горин? За забвение о прекрасном. Можно сказать, что суд над Гориним – это суд над всеми, «кто в земном краю не из большой любви, а из соблазна любил, страдал и тратил жизнь свою». Василий предстал перед судом за измену настоящей любви. Сюда явились те, «чьи юные сердца» он в «лучших чувствах обнадужил». Здесь и Дина, которая любила его, но ушла к другому. Не знай она Василия, была бы, может, счастливее. Нет среди женщин, любивших его, лишь Марьяны. Ее он никогда и ни в чем не обманывал. Что же хотят от него эти женщины?

Соседка Дины
Заговорила прямо вслух:
-Какие-то проблемы...

Ты все искал,
То тих, то зол.
И вот перед тобою все мы!
Что ты искал?
Что ты нашел?
Вот все мы. Все.
Окинь глазами.
И ты, чье имя берегу,
Всю жизнь метался между нами,
Как в заколдованном кругу...
Скажи мне, что ты приобрел,
Когда по снегу,
По бурану,
Пренебрегая мной,
Побрел
Искать какую-то Звездану? (356–357)

Мы уже заметили, и это является особенностью героя, что он во всем стремится к «высоте», и прежде всего в любви. Звездана – идеал девушки, идеал, созданный воображением Горина. Звездана как бы отвернула взор Василия от прозы жизни. В этом одно из объяснений той расплаты, которая пришла к Горину.

«Вегейский суд тем и хорош, что здесь имеют право голоса и земные женщины, и «какая-то», еще не найденная им Звездана», - говорит Федоров.¹

В этой поэме автор использует фантастическое сновидение. Как мы отметили, в основе этого приема – противопоставление: Земля - Вега. Налицо – двоимирие, характерное главным образом для романтической поэмы. Вспомним хотя бы «Цыганы» А.С. Пушкина, где налицо противопоставление мира цыган светскому обществу.

¹ Федоров Вас. Наше время такое... – М., 1974, С. 561.

Пушкин показывает насколько этот мир чище и благороднее, чем мир дворян, так называемое «благородное общество». У Пушкина цыгане тоже судят Алеко своим судом. И это тоже прежде всего суд высокой нравственности. Известное сходство ситуаций и приемов у поэтов одной и той же и разных эпох - дело вполне понятное. Тут возможно и сознательное использование традиций, и случайное совпадение. Гораздо важнее, какая задача решается в каждом конкретном случае.

Василий Федоров пишет: «Если бы моего главного героя судили за его морально-нравственные прегрешения на комсомольском или профсоюзном собрании, то это привело бы к мелочному бытовизму, будничности, банальности. Тогда бы не удалось выявить основной замысел, идею поэмы. Вот почему моего героя судят на Веге, где земные чувства обострены, где уже возможно судить чистотой и красотой. Молодая вегианка говорит Василию Горину:

Мы судим всех,
Забывших о прекрасном,
Мы судим многих,
Кто в земном краю
Не из большой любви,
А из соблазна
Любил,
Страдал
И тратил жизнь свою...»¹

Необычное сновидение Василия Горина мотивировано его психологическим состоянием. Во сне ему является то, о чем он иногда размышлял наяву. Суд на Веге это, в сущности, суд над Василием его совести, но объективирован этот суд в фантастической картине. Именно в силу этого на Вегу автор отправляет Василия, а не Бориса, который с угрызениями совести не знаком.

¹ Федоров Вас. Наше время такое... – М., 1973, С. 504.

Поэтому нам представляется неверным высказывание такого порядка. «Федоров мог бы судить вегейским судом и бюрократа и догматика. Да мало ли пороков и их носителей, заслуживающих осуждения! Но здесь поэт ставит в центр именно вопросы любви. То, что непреходяще, не то, от чего можно отучиться, а то, чему научиться труднее¹.

Когда в поэме «Седьмое небо», в далях, которые не могут быть пока достигнуты даже космическими кораблями, идет суд женщин над героем, кажется, удивительно звонкая нарастающая сила проходит через душу тех, кто читает поэму, видит вершителей «страшного суда», одержимых постижением истины, перемучившихся своими ошибками, утратами, всеми язвами бытия, где человек часто бывает слепым, слабым, глупым или, наоборот, хитрым, сильным, жестоким и ненасытным в своем невежественно – зверином подчинении себе всего того, что выше его:

Земля!

Страшны суды вегейские!

Тебе ль, мудреющей в труде,

Передавать дела судейские

Чужой,

Неласковой звезде.

Суд на Веге – это лишь порог, с которого нужно пристально посмотреть человеку на родную землю. Ведь на родной его земле столько чистого дела, столько золотых людей, столько красоты. И если все, что возвышает человека, что наливает силой его мускулы, что озаряет крылатым светом его разум, употребить против зла, против тьмы, - результат будет!...

Глава «Земля и Вега» подводит логический финал под определенный этап жизни главного персонажа. Поэтому все три предыдущие главы имеют прямое отношение к суду на Веге. Василий Горин сам понимал, еще до этого «суда», что он не во всем выдержал экзамен на «нравственное совершенство», «возвышенность», стремление к красоте. Но большая любовь к Марьяне

¹ Еремин В. Василий Федоров. – М., Сов. пис. 1969. С. 119.

не умирает в душе Василия Горина. Его драма в том, что он, во-первых, добровольно уступил свою любовь другому, не защитил «возвышенное», во-вторых, пытаясь забыть, перечеркнуть эту любовь, он вдобавок стал сознательно оскорблять ее, мстя Марьяне. Так свершилось моральное падение Василия Горина. И это уже, не только «измена» любви, это отступление от этического, нравственного и эстетического идеала. В этом плане надо понимать и слова вегианки. «... Мы судим чистотой, мы судим красотой...»

Следует при всем сказанном помнить, что Василий Горин с мыслью о «Седьмом небе» не расстался. И в этом отношении, несмотря на свои «падения», он действительно остается «крылатым» человеком.

Глава «Земля и Вега» поэтому важна не только в плане «суда» над Василием Гориним, но и как еще одно подтверждение его неукротимого стремления к «высоте».

В свое время Василия Федорова за главу «Земля и Вега» подвергли критике, в том числе и такой большой поэт, как А. Прокофьев. Автору «Седьмого неба» приписывали приверженность к мистике, ирреальному и т.д. Но время подтвердило, что эти упреки не имели основания. Сам Василий Федоров по этому поводу заявил: «Можно сказать, что мое ирреальное - обострение реального, такое обострение, а иногда смещение будничного в сторону фантастики я называю «плоскостью новизны». Я ею воспользовался еще в «Лирической трилогии», в поэме «На глубине» и «Поэме о доме». Все сказанное, по-моему, подтверждает ранее высказанную мысль, что все, чему в стихах приданы художественно зримые черты, можно считать реальностью, как реально существование дантевского «Ада». В этой связи и мотивы ирреального в чистом виде неприменимы к «Седьмому небу», несмотря на то, что фантастическая глава всего лишь сон героя¹.

Глава «Земля в «Вега» завершается лирическим откликом поэта на полет Гагарина. Исторический подвиг советского человека как бы дополнил и завершил ее. Сам Федоров вспоминает, как он дописал концовку: «Когда я

¹ Федоров Вас. Собр. соч. в трех томах. - М., 1976. Т. 3. С. 614-615.

написал главу «Земля и Вега» о фантастическом полете моего героя на звезду и отдал ее в «Огонек», меня ошеломило невероятное, но вполне реальное событие. По радио и телевидению передали об успешном полете вокруг земли советского человека - Юрия Гагарина.

Конечно же, я не мог пройти мимо такого отличительного момента в биографии нашего века. В поэме, отражающей жизнь государства от крестьянской телеги до межпланетного полета, нельзя было не отразить и этого факта. Тогда я срочно позвонил в редакцию, попросил задержать публикацию главы. И вот за ночь мною была дописана концовка. В главе появилась целая главка о реальном историческом полете сына нашей Земли, которая, на мой взгляд, органически вписалась в мою фантастическую историю о полете на Вегу Василия Горина».¹

Полет Юрия Гагарина готовили такие люди, как Василий Горин, неистовые романтики, штурмовавшие «Седьмое небо». Горин и Гагарин - духовные братья. Младший продолжил, осуществил мечту старшего. Гордостью, восхищением проникнуты строки, в которых поэт устами своего героя говорит о родстве с Гагариным, общности истоков его и своей судьбы:

Мы люди разных поколений,
Но на дороге голубой
Я рад всем точкам совпадений
Моей судьбы
С твоей судьбой.
Чем круче хлеб,
Тем жизнь упорней.
Я рад, что мы с тобой взошли
От одного большего корня
Крестьянской матери – земли. (363)

В обращении к Гагарину важен еще один момент, благодаря которому поэт подводит нас к другой, очень важной проблеме и связывает эту главу с

¹ Федоров Вас. Т. 3. – С. 611 - 612

последующей. Горин говорил:

Чтоб волю дать твоим дерзаньям,
Когда ты рос, как все, шая,
Меня подвергла испытаньям
В те дни тревожная земля. (364)

5.4. Испытания героя.

В главе «Память века» повествуется о тех испытаниях, которые выпали Горину. Крушение любви в ряду этих испытаний было первым. Но в этой главе автор осмысливает вопрос о «культе личности» Сталина. Поэт и его герой принадлежат к тем людям, которые в конце 30-х годов незаслуженно пострадали. Но показательны те выводы, которые он делает. Первое, что нужно отметить: Федоров утверждает, что сами поэты должны воплощать те народные трагедии, свидетелями которых они были.

Василий Федоров, в отличие от многих поэтов, пытается понять такое явление как культ личности, и здесь он не снимает вины ни с себя, ни с других людей:

Пойми же,
Родина глядит
И судит
Нашими глазами. (366)

Начиная с главы «Память века», тема любви к женщине отступает на второй план. На первый план выступает осмысление исторического пути родины. Это осмысление дает автору возможность показать ту непосредственную связь, которая существует между нравственными и социально – политическими проблемами. И в этой главе тоже налицо неукротимое стремление Василия Горина к «высоте», но «высота» эта обретает иной аспект: ею становятся люди, незаслуженно пострадавшие в конце 30-х годов, оклеветанные врагами родины, как, например, брат Горина, или в трудных условиях остав-

шиеся настоящими людьми, не опозорившими высокое звание человека, как, например, старик Силыч. Это о них говорит Василий Горин:

Бойцы, умевшие все вынести,
От бед не отводили глаз,
Как эталоны справедливости,
Они ходили среди нас. (369)

В трудную пору полностью выявляется суть человека и суть окружающих его людей.

Василия Горина именуют братом «японского шпиона». И в этом прежде всего усердствует его друг Борис. Духовная ущербность Бориса здесь проявляется уже в полной мере. Он предстает как человек, приспособившийся к условиям, как негодяй самого отвратительного пошиба. Василий Горин понял, что такое «потайных недругов усмешки», «отчужденья круг». На него тоже словно легла тень брата. И он признается:

При встрече, чтобы не пугать,
На боязливых человечков
Не смел я веки поднимать. (367)

Ироническое сочетание «боязливые человечки» - полно большого смысла. Это те, которые в тревожное время жили по принципу чеховского персонажа: «Ах, как бы чего не вышло». И они для поэта не люди, а «человечки».

Чтобы хоть как – то успокоиться Горин идет к друзьям. И тут ему наносят новый удар. Исходит он опять – таки от Бориса:

Да что вы, братцы?!
Брат негодяя нам не брат!
Мне и Борис руки не подал.
Багровей, чем вареный рак,
Скривился:
- Брат врага народа
Потенциально... тоже враг... (367)

После этого Василий Горин делает важный философский вывод:

Кто в чистоту теряет веру,
Теряет истинную меру
В понятии
Добра и зла. (367-368)

Он в самой жизни находит подтверждение этой мысли. Когда при очередной встрече с Борисом, Горин ему «припоминал о школьной парте, о хлебе, что учил труду», тот его обрывает: «О брате! Говори о брате!» И Горин отвечает:

Послушай, Борька,
Все скажу, не умолчу.
Он брат,
И не по крови только... (369)

Василий имеет в виду и духовное, идейное родство.

Но это Борис квалифицировал как «де-ма-го-гию». Мало того, он Горину поставил в вину и то, что тот «из-за преступного лихачества разбил советский самолет», и то, что от него ушла Дина. И Горин признается:

Не ведал я,
Что два лица
Бывает у любого факта:
Для честного
И подлеца. (370)

В это тяжелое для Василия Горина время на его стороне оказывается не только Силыч, но и Марьяна. На обвинения Бориса в адрес Василия она кричит:

«Ложь! Ложь!» (371)

Ее слова лишний раз подтверждали, что Горин не одинок. Поэт в этой главе решает интересную проблему. В тяжелые минуты, в беде человек не должен терять веру в себя. Он не должен опускаться, он должен оставаться верным тому идеалу, к которому стремился. В беде отступить нетрудно. И

Горин это познал. Ему уже казалось:

Высота отблестала,
И дорога в развилке
Узким горлышком стала
Недопитой бутылки. (372)

И вот он в ресторане. Замечательно написана это сцена. Здесь и косая «ресторанная сволочь», и «разжижение плоти» и т.д. Многозначительный диалог Горина и «ресторанной сволочи» подтверждает однако, что Василий не опустил руки, не изменил себе, не отступился. Он по-прежнему верен «высоте». Приводим этот замечательный диалог полностью. Заметим только, что образ «ресторанной сволочи», «мещанства» здесь обобщенно – собирательный:

Ты же волен?
Не волен.
Ты здоров?
Я калека.
Чем ты болен?
Я болен
Всеми болями века. –
Хмыкнул.
Глупая рожа.
Не умею иначе.
Века нет.
Тогда что же?!
Лишь минуты удачи.
Я поднялся
Встревожен,
Отряхнулся от пьянства
И ударил по роже
Мировое мещанство.

Крикнул, все еще дюжий
- Топочите! Пляшите!
А вот этого в луже
На мой счет запишите. (372-373)

Приведенный диалог показателен, во-первых, в том плане, что Горин не изменил себе. Он, как и прежде, непримиримый враг «мещанства». Во – вторых, этот диалог имеет прямое отношение и к характеристике Бориса, который относится к категории ловащих «лишь минуты удачи». Таким образом, пощечина по мещанству имеет и конкретных адресатов.

Мы видим, как постепенно, от главы к главе автор на задний план отодвигает тему любви и выдвигает вперед общественные проблемы, которые тесно связаны с судьбами героев. В душе Василия Горина роковое время оставило след. Вместе с тем, оно помогло ему разобраться глубже во многих явлениях жизни. Это было особое время. Человек испытывался на прочность. Суть Бориса в это время и проявилась окончательно. Он отвернулся от Горина, пошел против правды. А Марьяна ушла от Бориса, решив никогда к нему не вернуться. В жизни Василия Горина наступила самая трудная пора. Но он продолжает оставаться хозяином своей судьбы, человеком, не потерявшим веру в правду и справедливость. Показательна в этом отношении глава «Москва, Москва».

Именно в Москве Горин почувствовал себя более мудрым, более взрослым, стал чувствовать огромную ответственность за собой. Для него Москва стала символом большой Родины – высшей справедливостью, правдой:

Москва, Москва,
Будь с каждым днем прямой,
Москва, Москва,
Будь с каждым днем
Правдивей. (385)

Все, что раньше могло пошатнуть, поколебать его веру в правду, теперь лишь укрепляло и закаляло его. Но пришла новая беда: началась война. Весть о ней, неожиданная и страшная, потрясла Василия Горина. И, как всегда, поэт находит сильные и точные, эмоционально действенные слова для передачи состояния:

Война! –
И крик,
А не слова,
Как будто, описав кривую
Отторгнутая голова
Ударилось о мостовую,
Легла немыслимая тень
На камни
И на все живое,
Как будто зеркало кривое
Перекосило ясный день.
Химеры из углов полезли. (408)

Состояние Василия Горина было типично для миллионов советских людей. Нужно было защищать свою Родину от гитлеровцев. Горин понимает, что борьба «двух станов, двух миров продолжается» и нужно обязательно выстоять в этой борьбе. Он мобилизован на фронт. И судьба распорядилась так, чтобы он вновь встретился с Борисом, который тоже едет на войну. Провожать мужа на вокзал приходит Марьяна. Она, конечно, не ведает, что и Василия увидит тут. А ему показалось, что она сошла с Вeги и приняла земной облик. Он не знает, с кем она пришла проститься. Правильно сказано критиком: «Самым сильным в образной ткани поэмы или, точнее, в истории любовного треугольника является эпизод проводов эшелона. Психологическая нюансировка здесь безупречна. В этом эпизоде, - когда Марьяна лишь взглядом успела проводить на войну друзей – соперников и ни одному намеком не дала понять, кому же она дарит свою любовь, а кого пожалела, образ ее обре-

тает ту значительность, которую все время стремится придать Марьяне поэт, но которая не всегда достаточно убеждает»¹.

5. 5. Война и герой.

Через всю страну едет Василий Горин, как будто специально для того, чтобы увидеть всю Россию, знать, что защищать. Но пришлось возвратиться назад многим летчикам. Стране нужны были не только солдаты, но и люди, которые могли строить самолеты, делать оружие для победы. На обратном пути погибает Борис: попал под бомбежку эшелон, в котором они возвращались.

Глава, в которой об этом рассказано, имеет символическое название «Смертная высь». Отметим здесь только два момента.

Во-первых, Василий Горин по-прежнему остается во власти своего идеала:

Пиши, железное перо,
Пиши, познавшее сверх меры
Трагедию высокой веры
И в человека
И в добро. (414)

Истинная суть фашизма была понята не сразу. Исключением не был и Горин, гуманист, интернационалист.

Ему казалось, что стоит только крикнуть: «Братья», как бросятся в объятья и рыжий фриц, и смуглый Ганс». Но это были только иллюзии. И он быстро понял, что фашизм являет собой высшую степень уродства человека.

Во-вторых, в этой главе Василий Горин и Борис рисуются автором уже не по принципу антитезы. Федоров выводит их на единый уровень нравственной высоты. Горин видит, как умирающий Борис -

...полз на холм,

¹ Михайлов Ал. Поэты и поэзия. – М., 1978. С.71.

Где над пожаром,
Кроваво - красное сквозь дым,
Лежало солнце детским шаром,
Красивым шаром надувным. (424)

Василий Горин поспешил ему на помощь, перевязал грудь. Тот попросил его сказать Марьяне, что «любил ее».

Так Борис раскрывается Василию Горину в новом свете. И холм, на который Борис полз, приобретает значение нравственной высоты, на которую он, как бы переродившись, поднялся.

Василий Горин – великий человеколюб:

Как часто думал я о нем,
О мудром смысле очищенья,
Душа, смытая огнем,
Достойно моего прощенья. (427)

Василия Горина понять можно. Но соответствует ли логике действительности то духовное перерождение Бориса, которое вдруг совершается? На наш взгляд, финал жизни Бориса противоречит всему, что мы о нем знаем. Здесь, нам кажется, мера художественной правды поэтом нарушена.

Последняя глава поэмы «Крылья на полдень» перекликается с первой. И это знаменательно. Василий Горин получил задание взорвать наш самолет, чтобы не достался врагу. Вместе с ним пошел и комиссар. Они заложили в самолете взрывчатку, подожгли шнуры. Но фашисты были уже близко, и взрыв вот-вот мог накрыть Горина. А комиссар в это время стоял уже на шоссе у газика. И тут Горин увидел рядом самолет врага, «винтом кружившим вхолостую». Он сел в него и взлетел:

Я самолету дал руля
И крылья повернул на полдень.
На полдень!
На высокий свет,
Когда Земля

Верней глядится.
На полдень,
Лучший из примет.
На полдень,
Чтоб не заблудиться. (439-440)

«Полдень», «высокий свет» - имеют метафорический смысл. Это синонимы возвышенного, «седьмого неба», с которым спаяна душа Горина.

Так автор еще раз, но уже в иной ситуации, чем в начале поэмы, во всю ширь раскрывает окрыленность души своего героя – романтика, великую веру которого в мечту, в человека, в Родину ничто не могло поколебать. Не случайно здесь слово в слово повторяются стихи из первой главы:

Машина высилась
И высилась,
И ветер терся о бока.
Уже Седьмое небо близилось,
Уже редели облака. (441)

Горин испытывал такие же чувства, как во время полета с Марьяной. Тогда случилась авария. Теперь его, приняв за фашиста, сбил друг, Федя Зыков. Тяжело раненный, Василий замечает:

Поймет ли нас
Потомок дальний,
И догадается ли он
О том, что к полосе нейтральной
Летели пули с двух сторон. (446)

Эти стихи заставляют вспомнить и историю любви Горина, когда он по отношению к любимой соблюдал, в сущности, нейтралитет, и за это расплатился. В жизни нейтральных позиций не бывает. И умудренный собственным опытом, всем увиденным и пережитым, герой Федорова делает многозначительный вывод:

Жизнь мчится по закону круга:

Круг малый

Входит в больший круг.

Любая точка замыканья

В итоге жизни и борьбы

Как утверждение судьбы

А вместе с тем

И отрицанье... (446-447)

5. 6. Эпилог прощаний.

«Эпилог прощаний» является логическим завершением поэмы. Здесь говорится, что Горин и Марьяна вновь встретились после длительной разлуки. Теперь всем своим обликом она напоминала ему Звездану. Только «на щеке» дрожала земная горькая слеза».

Так поэт устанавливает связь этой заключительной части с главой «Земля и Вега». Звездана, создание мечты поэта, обернулась Марьяной.

Переключение фантастического в реальный план характерно для Федорова. В определенном аспекте такое переключение мы находим и в поэме «Проданная Венера». Но в «Седьмом небе» параллель Звездана – Марьяна имеет свой глубокий смысл: идеальное, возвышенное, прекрасное – продукт земной действительности. Мало его только видеть. За него надо бороться, его надо защищать. И всякое отступление тут чревато непоправимыми последствиями. Не случайно Горину Марьяна сказала: «Что ж раньше ты не приходил, когда тебя я так любила?»

Становится понятно, почему даже мертвый, Борис оставил между Гориним и Марьяной «прежние запреты». И Горин верно объясняет отказ Марьяны: «Это не верность мужу, а как бы материнский страх».

Но драму Горина и Марьяны нельзя ставить в вину только ему. В немалой мере виновата и она. Важнее, однако, другое: жизнь идет вперед, меняет-

ся. Людей, подобных им, становится больше. И это дает Горину основание заявить:

Они свое
Не проглядят,
Как мы с тобою проглядели.
Мы к радости не долетели,
Они, Марьяна,
Долетят! (457)

Прекрасное будущее для Горина всегда оставалось своего рода путеводной звездой.

И, наконец, следует отметить, что в «Эпилоге» поэт, отталкиваясь от фактов личной жизни Горина, делает обобщения, посредством которых перекидывает мост к важнейшим явлениям в масштабе страны и мира в целом. Во-первых, Федоров через своего героя утверждает: любое великое дело имеет своим истоком малое, сложное вырастает из простого, одно поколение закладывает фундамент для деятельности другого. Так совершенствуется жизнь, осуществляется прогресс, преемственность поколений. Без Гориных не было бы Гагариных, без легендарных «Яков и Лагов» не было бы нынешних реактивных самолетов.

Во – вторых, несмотря на то, что земля «в хорошей вере» скидывает с себя «кочья шерсти тленной», Горин понимает, однако, как напряжена «земная ось»:

Что до небес!
Земля мой кров,
И чувствую не там, а здесь я
Трагическое равновесье
Двух разных станов,
Двух миров. (458)

Отсюда закономерный и очень важный вывод:

И человеку дел и слов

Во всем –
Душевном и телесном –
На чаше мировых весов
Уже нельзя быть легковесным. (459)

Герой Федорова не может спокойно созерцать порок, не может быть равнодушным к тому, что происходит в мире. Совесть его бунтует против зла. Для него неестественно видеть на службе зла «высокий разум человеческий».

Завершая разговор о поэме «Седьмое небо», обращаем внимание на два суждения И. Денисовой. Первое: «Задуманная как своеобразный септих, выросла она до восьми поэм с эпилогом, как бы восходящих ступенями от первых, стихийных радостей соприкосновения с Красотой мира и Человеческой души к высшему счастью постижения гармонического единства красоты и благородства, физического совершенства и высокой духовности»¹. Сказано правильно.

Второе утверждение: «Сюжетно – психологическая коллизия подчас как бы освобождается от густой живописности, поэтический язык разреживается, удлиняются интонационные периоды. Они, как и композиционные перепады, возникли, видимо, оттого, что поэма писалась много лет. За это время Василий Федоров создал несколько стихотворных сборников, а поэма в чем – то теряла дыхание, композиционную пружинность»². А с этим утверждением согласиться не можем.

Критик должен не только декларировать какие-то положения, но и доказывать сказанное. У Денисовой доказательств нет. Более того, она противоречит самой себе.

Поэма Василия Федорова «Седьмое небо» имеет событийный сюжет. Она эпична и по своей структуре и по жизненному материалу, который в ней воплощен. Здесь небезынтересно вспомнить, что В.Г. Белинский в эпической

¹ Денисова И.В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Федорова – М., «Современник», 1978. С. 59.

² Там же. – С. 80.

поэме не отрицал лирического и драматического элемента. И это великий критик подтвердил характеристикой романтической поэмы, поэм Пушкина, об этом сказал в статье «Разделение поэзии на роды и виды». Белинский, говоря об эпической поэме, исходил, прежде всего, из главенствующей в ней родовой доминанты – событийности. И мы не вправе игнорировать это. Между тем в отдельных работах семидесятых годов «Седьмое небо» квалифицируется как лиро-эпическая поэма и выставляется в один ряд с такими вещами, как «Середина века» В. Луговского и «За далью даль» А. Твардовского¹.

С такими утверждениями согласиться нельзя. «Середина века», «За далью даль», сюда же можно включить «Признание в любви» М. Луконина, «Свидетельствую сам» С. Смирнова – это один тип поэмы; «Седьмое небо». / а вместе с ним, и «Суд памяти» Е. Исаева, «Бунт разума» Д. Кугультинова / - совершенно другой.

Некоторые исследователи советской поэзии придавали чрезмерное значение так называемой лиризации поэмы².

Сторонники этой теории непомерно «расширяли» возможности лирики, ставили ее выше эпоса. Так Н.Р. Мазепа писала: «Попытка создания эпоса в формах самого эпоса очень часто сковывает поэтическую мысль, не дает ей охватить пространство и время так, как это удастся поэтам в лирике³.

Опыт Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Твардовского, Е. Исаева, В. Федорова свидетельствует, что эпос создается в «формах» самого эпоса. Бесспорно одно: каждая эпоха вносит качественные изменения в эпические жанры, в том числе и в поэму. И если сравнить возможности лирики и поэтического эпоса, то в явном выигрыше эпос.

Остается в заключение заметить: эпическая поэма в нашей поэзии имеет свою прочную основу, у нее есть свои большие достижения. / Р. Гамзатов,

¹ См. книги: Н.Р. Мазепа. В поэтическом поиске. – Киев, 1977 г.; Иван Кирпель. Лирический герой современной поэмы. - Киев, 1977 г.

² Обосновал теорию лиризации А. Михайлов. См. хотя бы его статью «Пути и перепутья жанра» // Литературная газета, 1977 г., 16 февраля.

³ Мазепа Н.Р. В поэтическом поиске. - Киев. 1977 г. С. 153.

Вас. Федоров, Д. Кугультинов, С. Васильев, Е. Исаев и др.

Заключение

Цель моей работы - подробно рассмотреть поэмы Василия Федорова, проследить особенности их проблематики и поэтики. Основным методом, избранным нами в единстве формы и содержания.

В ходе написания работы мы обращались и к трудам известных исследователей творчества Василия Федорова: И.Денисовой, А.Михайлова, Ю.Прокушева, Лапшина, Любовцева, Сорокина, Еремина и других критиков.

Поэмы Василия Федорова соответствуют тому определению поэмы, которое дал в свое время В.Белинский: это поэтическое произведение, в котором главенствуют идеальные побуждения и моменты мировоззрения, мирозерцания и мировидение поэта.

В творчестве Василия Федорова воплотились лучшие традиции классической и советской поэзии. Но творчество Василия Федорова не привлекло должного внимания критиков. О его поэмах и стихотворениях написано как будто не мало, но существенного сказано мало. Если поставить вопрос: что нового мы внесли в изучение творчества Василия Федорова - то ответ будет прост: в диссертации впервые анализируются его поэмы: «Лирическая трилогия», «Марьевская летопись», «Бетховен». Что касается других поэм автора, таких как «Проданная Венера», «Золотая жила», «Белая роща», «Обида», «Далекая», «Первые слезы», «Седьмое небо», то они рассмотрены развернуто, подробно, в их понимание внесено немало нового, это касается не только проблематики но и поэтики названных произведений.

Первая поэма этого поэта «Лирическая трилогия». Герой ее близок автору, во многом автобиографичен. Первая ее часть «О ней», о девушке, в которую лирический герой оказался страстно влюблен. Чтобы увидеть ее, поговорить с ней он пришел в клуб, где она выступала. Музыка захватила его. Так чувство любви, дополняется красотой и действенной силой музыки.

Первая часть трилогии строится по принципу усиления любовного чувства лирического героя, которое наталкивается, однако на равнодушие девушки.

В композиции этой части из художественных средств главенствующую роль играет повтор слова, словосочетания, образа, в частности метели, использованного как обрамление.

Вторая часть «Лирической трилогии» - «На глубине». Тут повествуется о работе лирического героя на подземном авиазаводе, о войне, о налетах вражеской авиации на город, в котором находился завод, о вдове, которую он когда – то любил, но они остались чужими.

В поэме «На глубине» Вас. Федоров уделяет основное внимание красоте, созданной руками человека. Это самолеты. Точно передано здесь психологическое состояние лирического героя, который наполнен гордостью за свой труд и восхищением его результатами. В этой поэме композиция предельно четкая: это повествование лирического героя о себе – простое и понятное, в котором на первый план выступает фактор биографический.

Третья часть «Лирической трилогии» - «Поэма о доме».

Здесь автор утверждает, что «любому счастью нужен дом», а лирическому герою это счастье мыслится как совместная жизнь с любимой. Поэтому он создает проекты дома, но которые оказываются неудачными, которые не принимает не только комиссия, но даже любимая. Последняя часть трилогии строится на параллели малый дом и дом большой. Малый дом лирическому герою построить не удалось. Зато он построил большой дом – дом поэзии, куда может войти любой человек, в том числе и любимая на одинаковых со всеми правах.

«Лирическая трилогия», хотя и первая поэма автора, но во многом знаменательная: в ней истоки всех тем его творчества.

Поэмы Василия Федорова «Марьевская летопись» и «Белая роща» - в первую очередь поэмы о Родине. Но эта главная тема дополняется побочными: труд и любовь, природа и человек, сын и мать, война и победа.

Марьевка для поэта и отчий дом, и отчее село. Вот почему в «Марьевской летописи» много биографического, лирический герой и автор почти тождественны. Все радостное и горестное связано для поэта с родной деревней. Отсюда началась его трудная дорога в жизнь, отсюда он однажды ушел навсегда, но родная деревня осталась для него своего рода маяком. Малая родина открыла поэту и просторы большой, великой державы, сыном которой он осознавал себя всегда.

Сюжет «Марьевской летописи» тоже прост: он делится как бы на отдельные, частные сюжеты: возвращение лирического героя домой и встреча с матерью; изображение колхозного труда; встреча с любимой; память о павших на войне и т.д. Если в «Марьевской летописи» сюжетобразующим началом выступает лирический герой, то в сюжете «Белой рощи» основу составляют объективированные персонажи – Егор и его мать. Эта поэма лиро-эпическая.

Егор приехал на целину поработать года два, заработать деньги и вернуться домой. Но целина накрепко привязала его к себе: здесь к нему пришла большая любовь. И он себе на помощь приглашает мать, которая и для всех механизаторов становится как бы матерью. Она человечна, мудра, умна, полюбила степные просторы, Белую рощу, одну на этих просторах. Для нее она была олицетворением земной красоты. Когда трактористы решили раскорчевать рощу, мешавшую пахоте, мать сумела убедить их, что этого нельзя делать. Так она оказывается защитницей не только Белой рощи, но и природы вообще.

Много повидавшая и много потрудившаяся на своем веку мать, в один из дней, когда сына не было дома, тихо умерла. Похоронили ее в Белой роще. Отныне для сына и целинные просторы Кулунды стали родиной. Егор решил остаться навсегда там, где последний приют нашла его мать. Понимание родины и расширилось, и обрело новый смысл.

Ряд поэм Вас. Федорова о любви. В них это чувство утверждается как исключительно высоконравственное. Можно сказать, для Василия Федорова

именно в любви открываются идеальные моменты человеческой души. Для поэта любовь и красота два полюса одного явления. Все поэмы Вас. Федорова о любви имеют четкий сюжет. В поэмах «Далекая» «Обида», «Первые слезы» сюжет – концентрический, локальный. Это поэмы случая (в том смысле, что основу каждой составляет частный эпизод жизни героя»). «Золотая жила» тоже подпадает под это определение, но в ней, основной случай дополняется побочными, которые тоже оказываются очень существенными. Но «Золотая жила» прежде всего, поэма характеров, драма их столкновения и судьбы.

В поэмах В. Федорова количество действующих лиц сведено до минимума и даны они по принципу противопоставления: в «Далекой» - лирический герой и его бывшая любимая; в «Обиде» Олег и Настя; в «Первых слезах» Вера и Женя Черемной; Павел и Женя; в «Золотой жиле» Царьков и Харитон, Харитон и Игнат.

И наконец, во всех поэмах о любви срабатывает прием узнавания.

В перечисленных выше поэмах, хотя и доминирует тема любви, но дополняется она и другими темами: труд, человеческое назначение и долг, истинное и ложное счастье.

Поэмы Василия Федорова о любви сохраняют свое значение, несмотря на то, что живем мы при ином социальном укладе чем тот, при котором творил автор.

Во всех поэмах Василия Федорова в той или иной мере затрагивается проблема красоты. Но основной она является в «Проданной Венере», «Бетховене», и «Седьмом небе».

Первая поэма по композиции - параллель: сельская девушка Наташа Граева - и «Венера» Тициана. Две красоты. Одна - живая, которой выпали невероятные трудности, другая - вечная. Вечных великие художники, конечно же, писали с невечных.

Но судьба обеих оказалась драматичной. «Венера» Тициана в трудные годы индустриализации была продана за границу, так как стране нужны бы-

ли деньги. А Наташа Граева, как и миллионы женщин Советского Союза, добросовестно помогала фронту своей работой в тылу. В этой работе она и потеряла внешнюю красоту, но нравственная ее красота вне сомнений.

Дорогой ценой платили советские люди за победу. Поэтому для поэта частная судьба и судьба народная - звенья одной цепи. Красоты и Наташа и страна лишились во имя будущего. В этом для поэта была своя логика, свой идеал он видел в грядущем. Но это была уже утопия, в чем сегодня мы не сомневаемся.

В поэме «Бетховен» тема красоты сопряжена с темой искусства. Искусство порождает красоту, и само есть красота. Такова основная мысль поэмы. Бетховен, этот великий композитор, поверил в то, что он сможет силой своего искусства уничтожить несправедливость, зло, человеческие пороки. И он обрушил на людей всю мощь своей музыки, в которой слышны были грозные мелодии всех природных сил. Но он ошибался.

Тогда великий композитор решил достичь своей цели не грозными мелодиями, а мелодиями любви... И цели своей достиг. Это, конечно, преувеличение. Но нельзя отрицать то, что искусство во все времена хоть в малой мере помогало совершенствованию человека и человеческого общества.

Только жизнь гениев искусства всегда оказывалась трагической.

Вершинное произведение В. Федорова – «Седьмое небо» с подзаголовком «романическая поэма».

Герой поэмы — Василий Горин, он же повествователь и, в сущности, лирический герой. Рассказ о прожитом, безусловно, всегда содержит повторное, более осознанное переживание его. Василий Горин дорожит неувядаемым юношеским стремлением к высокому, к «Седьмому небу», к полету ввысь, к широким горизонтам.

Романно-повествовательный сюжет подробно развернут во времени. Герои открываются перед нами в сфере эмоциональной и преимущественно с точки зрения Василия Горина.

Герой «Седьмого неба» типичен как представитель поколения юношей

30-х годов, поколения рабочих и воинов времен войны Отечественной. Он в гуще того массового потока молодых людей, что стронуты, были индустриализацией с деревенских глубин, с провинциального затишья и вовлечены в мир техники, заводов, аэродромов, захвачены энтузиазмом преобразования старого и сотворения нового мира. Его воспоминания — это воспоминания не только о своем полете, но и о полете страны, о наэлектризованной общественной атмосфере бытия, о стремительном, моторном веке, что «летел через года тридцатые», о стране «саней и телег», которая «захотела стать крылатою». По мере духовного роста героя ширятся, углубляются его мысли.

Щедрое лирическое наполнение сюжетно-повествовательной поэмы, несомненно, связано с духовным миром героя. Вместе с тем немалую роль играет сродство героя и автора, то есть автобиографизм поэмы.

В ряде поэм Василия Федорова использована условность. В «Седьмом небе» это прежде всего глава «Земля и Вега», которая по содержанию является фантастическим сном: героя на далекой звезде судят за его ошибки, за отступления от большой любви, от правды и красоты, судят женщины, обманутые им когда-то в их лучших чувствах. И еще одна оригинальная особенность этой поэмы: сюжет в ней в «Эпилоге прощаний» размывается, незаметно переходя в монолог Василия Горина о месте человека, его позиции в современном ему мире. Здесь голос героя – повествователя и голос автора сливаются. Становится ясно: поэт и его герой – люди одного поколения и одного мировоззрения. Тут вспоминается «Василий Теркин» А. Твардовского, в которой автор и герой тоже люди одного поколения и одного мировоззрения. Поэмы Василия Федорова обогатили жанр русской поэмы 50-70 годов XX века.

Литература:

1. Анисимов В.И. Поэзия правды и мечты. - М., Просвещение, 1982.
2. Барабаш Ю.Я. Вопросы эстетики и поэтики. - М., Современник, 1973.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., Искусство, 1979.
4. Бельчиков Н.Ф. Пути и навыки литературоведческого труда. - М., Высшая школа, 1965.
5. Бушмин А.С. Наука о литературе. - М., Современник, 1980.
6. Бушмин А. Преемственность в развитии литературы. - Л., 1975.
7. Бузник В.В. Лирика и время. - Л., Наука, 1964.
8. Баевский В.С. История русской поэзии. 1730 – 1980 гг. – М., 1996.
9. Банкетов А. М. Лирика в эпосе. // Обогащение метода социалистического реализма и проблема многообразия советского искусства. – М., 1967, с. 20-21.
10. Бабаджан Р. Лучше старая картина. // «Литературное обозрение», 1974, № 1, с. 45.
11. Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1953,
12. Верли М. Общее литературоведение. - М., Изд-во иностранной литературы, 1957.
13. Выходцев П.С. В поисках нового слова. - М., Современник, 1980.
14. Волков И.Ф. Литература как вид художественного творчества. - М., Просвещение, 1985.
15. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М., Наука, 1971.
16. Винокуров Е. Поэзия и мысль. - М., Сов. писатель, 1966.
17. Васильковский А. Русская советская поэма 20-х годов. Проблема типологии жанра. – Донецк, 1973.
18. Владимиров С. Стих и образ. – М., 1975.
19. Выходцев П.С. Василий Федоров // П.С. Выходцев. Новаторство, традиции, мастерство. – Л., 1973 С. 315-335.
20. Выходцев П. Певец красоты человеческой (О поэзии Василия Федорова) – Молодая гвардия. // 1971. № 5. С. 299-311

21. Волков В. Отдам народу сердце: Воспоминания о поэте Вас. Федорове // Москва, 2002. - №12. С. 130-144
22. Гринберг И. Три грани лирики. – М., 1975
23. Гиршман М.М. Целостность литературного произведения – В кн.: Проблемы художественной формы социалистического реализма. т. 2. М., 1971.
24. Годенко М. Умеющий любить. Наброски к литературному портрету // Москва, 1979. № 9.
25. Гусев В.И. В середине века. М., 1967.
26. Грудцова О. Звонкая песня. // «Октябрь», 1974, №3, с. 214.
27. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. - М., Просвещение, 1968.
28. Гинзбург Л.О. О лирике. - Л., Сов. писатель, 1974.
29. Гинзбург Л.О. О старом и новом. - М., Сов. писатель, 1982.
30. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. - М., Современник, 1990.
31. Дюбо Ж. Б. Критические размышления о поэзии и живописи. - М., Искусство, 1976.
32. Еремин В. Василий Федоров – М., 1969.
33. Еремин В. На трудных перегонах. – М., «Современник», 1984. С. 84-158.
34. Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов. – М., 1990.
35. Ермилова Е.В. Метафоризация мира в поэзии XX века // Контекст. 1976. М., 1977, с.171.
36. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. - Л., Наука, 1977.
37. Жан де Лабрюйер. Характеры. - М.- Л., Худ. литература, 1964.
38. Ковалев Д. По главной сути. (О творчестве поэта Василия Федорова) // Октябрь, 1970. №2. С. 210-214.
39. Кочетков В. Искание правды: К 70-летию со дня рождения В. Федорова // Литературная газета. – 1988. 24 Февраля, №8

- 40.Кирпель И. Лирический герой современной поэмы. – Киев, 1977.
- 41.Коваленкова А. Практика современного стихосложения. М., 1960, с. 98.
- 42.Коваленко С.А. Поэма как жанр литературы – М., 1982.
- 43.Куняев С. Огонь, мерцающий в сосуде. – М., 1989.
- 44.Колмановский Е. Естественность поэмы. // «Литературное обозрение», 1973, № 9, с. 46.
- 45.Лапшин М. Поэзия борьбы и человечности (О творчестве В. Д. Федорова) // Литература в школе. 1964, №6
- 46.Лапшин М., Иванов Л. (О творчестве поэта) // Наш современник – 1963, № 2
- 47.Леонов Б. Немеркнувший свет: (памяти поэта В.Д. Федорова) // Огонек. – 1984. №18. С. 28.
- 48.Луконин С. И тогда придут слова... (О любовной лирике. Беседа с поэтом). Москва., 1984. №12 С. 89-96.
- 49.Лавлинский Л. Не оставляя линии огня. (О лирической поэзии наших дней) М., 1975, с. 319.
- 50.Лавлинский Л. Красота лаконизма // Октябрь, № 5, 1974.
- 51.Лавлинский Л. Сердца взрывная сила. (О лирической поэзии 60-х годов) – М., 1972.
- 52.Любарева Е.П. Советская романтическая поэзия (Н. Тихонов, М. Светлов, Э. Багрицкий). Изд. 2-е, доп. – М., 1973.
- 53.Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения. // «Вопросы литературы», 1968, №8, С. 75-76.
- 54.Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. М. – Л., 1971.
- 55.Лотман Ю.М. Анализ художественного текста. – Л., Просвещение, 1972.
- 56.Лотман Ю.М. Структура художественного текста. - М., Просвещение, 1970.
- 57.Луговской В.А. Раздумья о поэзии. - М.: Сов. писатель, 1960.

58. Ломидзе Г.И. В спорах и размышлениях. // Способность к диалогу. Ч.1. - М., Наука, 1993.
59. Мазепа Н.Р. В поэтическом поиске. – Киев, 1977.
60. Михайлов А. Пророчество марьевской Музы (О поэзии Вас. Федорова) // Современник. – 1967. № 5
61. Михайлов А. Сила и тайна слова. - М., Современник, 1984.
62. Михайлов А. Поэты и поэзия: Портреты. Проблемы. Тенденции развития современной поэзии. - М., Просвещение, 1978.
63. А. Михайлов А. Факел любви. – М. Сов. пис., 1968.
64. Михайлов Ал. Ритмы времени. Этюды о русской советской поэзии наших дней. М., 1975. С. 78.
65. Марков М. Искусство как процесс. - М., Искусство, 1970.
66. Марцинкявичюс Юстинас. Судьбы поэмы. // «Вопросы литературы», 1966, №10.
67. Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. - М., Наука, 1976.
68. Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. (Опыт типологии жанра) – М., 1971.
69. Наровчатов С. Атлантида рядом с тобой – М., 1972.
70. Непомнящий В. Поэзия и судьба. - М., Сов. писатель, 1983.
71. Озеров Л. Мастерство и волшебство – М., 1972.
72. Озеров Л. Работа поэта. - М.: Сов. писатель, 1963.
73. Прокушев Ю. Дыхание времени, дыхание правды: {о поэзии В. Федорова: к 70-летию со дня рождения} // Молодая гвардия. – 1988. №2.
74. Прокушев Ю. Память века (о поэзии Василия Федорова) // Литература и современность. – М., «Худож. лит-ра», 1980. С. 200-216.
75. Прокушев Ю. Дыхание правды (К портрету друга) // Ю. Прокушев. Все мы – дети России. – М., «Современник», 1990. С. 352-407.
76. Поперечный А. Лирика бойца. (О стихах Вас. Федорова) // Литература и жизнь. – 1962. 2 февраля.

77. Палиевский П.В. Литература и теория. - М., Сов. Россия, 1979.
78. Полякова Л.В. Поэзия и современность. - М., Современник, 1989.
79. Поспелов Г.Н. Лирика. - М., Изд-во ДГУ, 1978.
80. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., Искусство, 1976.
81. Рунин Б. В. В защиту лирической индивидуальности. - М., Сов. писатель, 1956.
82. Рыленков Н. Традиции и новаторство. - М., Сов. Россия, 1962.
83. Рыленков Н. Душа поэзии. - М., Сов. Россия, 1969.
84. Стрижевская Н.И. Письмена перспективы. - М., 1997
85. Скоронанова И.С. Поэзия в годы гласности. - Минск, 1993
86. Сидельников В.М. Писатель и народная поэзия. - М., Сов. Россия, 1980.
87. Салтыков-Щедрин М.Е. О важности слова. Полн. собр. соч. - М., Т. 18. 1958.
88. Сельвинский И.Л. Я буду говорить о стихах. - М., Сов. писатель, 1973.
89. Смирнова С. Василий Федоров. - Краснодар, 1979.
90. Стенник Ю.В. Системы жанров в историко - литературном процессе. // «Русская литература», 1972, №4, с.100 - 114.
91. Соловьев В. О поэте, его стихах и его читателях // Новый мир, 1973.
92. Твардовский А.Т. О литературе. - М., Современник, 1973.
93. Тимофеев Л.И. По воле истории. - М., Современник, 1979.
94. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М., Наука, 1977.
95. Уманская Е. Зачем поэма? // «Литературное обозрение», 1974, № 2, С. 61.
96. Урбан А. В настоящем времени. - М., 1984.
97. Федоров В. Поиск продолжается // В. Федоров. Соч. В трех томах. Т. 3. - М., 1976.
98. Федоров В. Поиск прекрасного // В. Федоров. Соч. В трех томах. Т. 3. - М., 1976.
99. Федоров В. Наше время такое. - М., 1974.
100. Федоров В. По главной сути. - М., 1978.

101. Хованская З.Н. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. - Саратов, Изд-во Саратовского университета, 1975.
102. Цыбин В. Судьба, красота, Россия // Литературная Россия. – 1966, 11 марта (Раздумья над книгой стихов. В. Федорова «Второй огонь»).
103. Числов М. Время зрелости – пора поэмы. – М., Сов. пис., 1986.
104. Чупринин С. Крупным планом: Поэзия наших дней: Проблемы и характеры. - М., Сов. писатель, 1983.
105. Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). - М., Изд-во МГУ, 1982.
106. Шевченко М. Боль человека была его болью: к 70-летию со дня рождения поэта В. Федорова // Москва. – 1988. №5. С. 200-202.
107. Шопенгауэр А. Избранные произведения. - М., Просвещение, 1992.
108. Шенгели Г. Техника стиха. - М., Гослитиздат, 1960.
109. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. - М., Художественная литература, 1981.
110. Эйхенбаум Б. О поэзии. - Л., Сов. писатель, 1969.
111. Литература и современность. Сб. статей. – М., 1980.
112. История советской литературы: Новый взгляд. Ч. I, II. - М., Наука, 1990. Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения. - Л., Наука, 1974.
113. Литературный процесс. Сб. статей. Теория литературы. - М., Изд-во МГУ, 1981.
114. Лирическое стихотворение: Анализы и разборы. - Л., Наука, 1976.
115. Поэтический строй русской лирики. - Л., Наука, 1973.
116. Писатель и время. - М., Сов. писатель, 1991.
117. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. – М., наука, 1964.
118. Русская литература XX века: Энциклопедия. – М., 2002

119. Большая литературная энциклопедия. – М., 2003